

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ
Флирт в Севилье

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Один раз в миллениум

«PEN-клуб»

2001

Абдуллаев Ч. А.

Один раз в миллениум / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2001 — (Дронго)

Миллионер-плейбой решил встретить миллениум в компании трех красивых женщин... и чудом избежал гибели, постигшей, увы, ни в чем не повинную домработницу. Однако это убийство – лишь первое в череде загадочных преступлений, внешне никак не связанных между собой и поставивших в тупик лучших специалистов московской прокуратуры... Так начинается новое дело агента Дронго. Увлекательно-стремительное – и смертельно опасное. Дело, в котором невиновных практически невозможно отличить от виновных, а случайных свидетелей и несчастных жертв – от хладнокровных и циничных преступников.

© Абдуллаев Ч. А., 2001

© PEN-клуб, 2001

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	25
Глава пятая	30
Глава шестая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Чингиз Абдуллаев

Один раз в миллениум

Глава первая

Дронго лежал на диване, наслаждаясь новым изданием Борхеса. Парадоксальность мышления великого писателя всегда приводила его в восторг. Телефонный звонок заставил невольно поморщиться. Он посмотрел на аппарат, послушал, как включился автоответчик. Раздался знакомый голос Владимира Владимировича:

– Если ты дома, возьми трубку. Мне надоело слышать твой голос на автоответчике.

– Что случилось? – спросил Дронго, подняв трубку.

– Тебя хочет видеть один человек. Мне кажется, тебе будет интересно с ним встретиться.

– Опять, – поморщился Дронго, – опять кто-нибудь из ваших бывших коллег. Вы ведь знаете, как я не люблю работать с офицерами ваших спецслужб. С годами идет очевидный регресс, разве вы этого не замечаете? После того как закончилась «холодная война», лучшие офицеры на Западе ушли в бизнес, а многие из наших стали консультантами криминальных группировок. Может, поэтому остались лишь неудачники.

– Свое компетентное мнение насчет спецслужб лучше выскажешь мне при личной встрече, – парировал Владимир Владимирович, – на этот раз могу тебя успокоить. Речь идет об одном бизнесмене, который хочет с тобой увидеться.

– Какой бизнесмен? Вы стали заниматься коммерсантами? – удивился Дронго. – Или он работает на секретном предприятии? Хотя какие секретные предприятия могли остаться в стране? Кто он такой?

– Интересный человек. Очень интересный. Мне кажется, он тебе понравится. Вы с ним чем-то похожи. Только ты стал циником, а он сохранил оптимизм.

– Поздравляю, – пробормотал Дронго, – кстати, почему вы решили, что я циник?

– Это я пошутил. В общем, я пришлю к тебе этого человека. Прямо сейчас. Ты с ним поговори, и поймешь, что я был прав. Он тебе понравится.

– Хорошо, – согласился Дронго, – присылайте ко мне вашего бизнесмена. Только с такими типами я еще не имел дел. Все нынешние бизнесмены либо государственные воры, которые успели присосаться к государственному имуществу и урвать свою долю, либо просто воры, которые смогли обмануть своих компаньонов и коллег по бизнесу. Или вы знаете другую категорию бизнесменов?

– Он из другой категории. Иногда бывают исключения, – загадочно сказал Владимир Владимирович, – ты с ним поговори, а потом спрошу твое мнение. Уверяю, как минимум не разочаруешься.

Дронго положил трубку и вернулся на диван читать Борхеса. Через час ему позвонили. Он поднял трубку и услышал незнакомый голос.

– Здравствуйте, – раздался уверенный звонкий голос незнакомца, – извините, что беспокою вас дома. Но мне сказали, что у вас нет своего офиса.

– К счастью, нет, – добродушно пробормотал Дронго, – иначе мне пришлось бы принимать людей на работе, имитируя бурную рабочую деятельность.

– Я хотел бы с вами встретиться. Извините, что беспокою. Мне ваш телефон дал Владимир Владимирович...

– Это я уже догадался. Можете приехать, – разрешил Дронго, – я предупрежу охранников, чтобы вас пропустили.

В элитном доме, где жил Дронго, существовала частная охрана, обеспечивающая безопасность жильцов. Такие дома появились в Москве в середине девяностых, когда уголовный беспредел, захлестнувший город, вынудил создавать в подобных жилых комплексах собственную охрану, хотя бы отчасти гарантирующую их жильцам защиту от непрошенных визитеров.

Неизвестный появился примерно через полчаса. Когда он позвонил в дверь, Дронго, взглянув на экран монитора, увидел гостя. Это был мужчина чуть выше среднего роста, с живыми глазами, подвижным лицом, облысевший, с крупным мясистым носом и большими ушами. Гость дважды нервно поправил узел галстука, пока Дронго не спеша разглядывал его. Дронго обратил внимание на его длинные красивые пальцы. В правой руке прищелец держал целлофановый пакет. Дронго остался доволен увиденным и, поднявшись, пошел к двери, чтобы впустить гостя.

– Здравствуйте, – произнес неизвестный, входя в квартиру.

От него пахло дорогим парфюмом и сигарами. Сладковатый запах сигар. Дронго почувствовал его, как только открыл дверь.

– Добрый вечер.

Дронго кивнул гостю, он никогда не протягивал руку незнакомцам.

Гость снял пальто. «Довольно дорогое пальто, – отметил Дронго, – кажется, итальянское, из хорошего темно-синего кашемира».

Гость был одет в дорогой костюм. Дронго неплохо разбирался в подобных марках одежды. Это был, конечно, не «Бриони» и не «Валентино». Но одежда была очень хорошего качества. «Наверно «Балансиага», – подумал Дронго, – они любят использовать кашемир, а этому типу, кажется, нравятся подобные костюмы. А вот галстук у него наверняка от «Диора». Его невозможно спутать ни с чем».

– Эдуард Леонидович, – представился вошедший, – моя фамилия Халупович.

– Очень приятно, – пробормотал Дронго, – проходите в гостиную и сразу скажите, что будете пить: кофе, чай, спиртные напитки?

– Я знаю, что вы живете один, и поэтому не хочу вас утомлять. Кстати, я пришел не с пустыми руками, – он показал на пакет, в котором угадывались очертания бутылок.

Ловким движением он достал из пакета две бутылки французского коньяка. Не обязательно любить коньяк, чтобы разбираться в его дорогих сортах. Дронго коньяк не пил, но понимал в нем толк.

– Хорошо, что я не должностное лицо, – пробормотал он, – иначе спустил бы вас с лестницы. Но раз вы принесли коньяк, можете пройти в гостиную и открыть бутылку. Я принесу шоколад. Надеюсь, вы не закусываете коньяк солеными огурцами?

– Нет, – хохотнул Халупович. Они явно понравились друг другу.

В гостиной гость, открыв бутылку, разлил янтарную жидкость в два пузатых бокала. Дронго сел в свое любимое кресло. Гость устроился на диване. Коньяк оказался превосходным, Дронго оценил его аромат.

– Итак, – сказал он, – давайте начнем разговор. Как к вам обращаться? Господин Халупович? Или по имени-отчеству? Или вам больше нравится старорежимное «товарищ»?

– Можно просто Эдик, мне сорок четыре, хотя в этом году будет уже сорок пять, и, мне кажется, вы старше меня.

– Между прочим, я младше вас на несколько лет, – улыбнулся Дронго, – мне всегда нравилось удивительное свойство лысых людей. В молодости выглядишь гораздо старше, а в зрелые годы – гораздо моложе. Не так видна седина, как у людей, имеющих шевелюру. Но, учитывая, что мы похожи друг на друга, я надеюсь, что выгляжу не старше.

– Просто вы мощнее, – нашелся Халупович, – и поэтому подсознательно кажется мне несколько старше своих лет. Возможно, на меня оказывает психологическое воздействие ваша слава.

– Вы еще и подхалим, – улыбнулся Дронго, – сколько в вас недостатков. Интересно, кто вы по гороскопу? Подождите, я постараюсь угадать. Вызывающе нарядный галстук, дорогой коньяк, который вы принесли в дом незнакомого человека, полное отсутствие комплексов. С другой стороны, вы, очевидно, добились больших успехов в своей нынешней работе. Судя по вашему преуспевающему виду. Но такая работа у вас была не всегда. На левой руке я заметил старый шрам, разрезающий ладонь. Либо дрались, либо производственная травма. Скорее второе. По натуре вы сангвиник, не холерик, и не стали бы безрассудно бросаться в драку. В то же время вы очень настойчивы и упрямы в своих стремлениях. Очевидно, честолюбивы, если решили прийти именно ко мне, считая меня достойным вашего внимания экспертом. Вы Овен по гороскопу или Телец. Хотя нет, Тельцы более упрямы.

– Овен, – рассмеялся Халупович, – мы с вами родились под одним знаком гороскопа.

– Очень приятно, – усмехнулся Дронго. – Вы еще и готовились к нашей встрече. Мне приятно это слышать. Давайте перейдем к делу. Почему вы хотели со мной встретиться?

– Меня привели к вам весьма необычные обстоятельства, – Халупович улыбнулся. – Начал совсем как в романе. Туманно и загадочно. Никогда не думал, что такое может случиться со мной.

Дронго смотрел на него, не перебивая. Халупович слегка волновался, и ему нужно было дать возможность немного успокоиться.

– Дело в том... – Халупович вздохнул. – Извините меня, но я должен быть уверен, что все сказанное мною останется здесь...

– Вы хотите меня оскорбить?

– Нет, конечно. Извините, если я вас обидел. Я только хотел...

– Дорогой Эдик Халупович. Если меня перевернуть и вытряхнуть все тайны, которые я знаю, думаю, что их можно собрать в многотомное собрание сочинений. Поэтому не беспокойтесь и спокойно излагайте мне ваши проблемы.

– Да, да, конечно. Извините меня.

Он смущенно улыбнулся, взглянул на бутылку коньяка и продолжил:

– По натуре я человек увлекающийся. Вы были правы, я не всегда был такой. Окончил МВТУ имени Баумана, попал по распределению на «почтовый ящик», как тогда называли военные предприятия. Маленький городок, все друг друга знают. Я там провел целых пять лет. Потом перевели в другой «ящик». И так до восемьдесят восьмого года, пока не разрешили кооперативы... Меня тогда только перевели в Москву. У нас оказалось немного свободных денег, знаете, тогда на военных предприятиях очень неплохо платили. Нас было три компаньона. И мы вложили все деньги в компьютеры. Тогда компьютерный бум в стране только начинался и нужны были люди, хоть сколько-то понимающие в этом вопросе. В общем, дела у нас пошли совсем неплохо. К девяносто первому году у нас было около восьми миллионов рублей, огромные по тем временам деньги. А потом Гайдар с его реформой нас немного прижал. Пришлось начинать с нуля. Вы же помните, какая тогда была инфляция. Но на компьютеры все равно был большой спрос. И через пять лет на нашем счету было больше пяти миллионов долларов. В девяносто седьмом было уже пятнадцать. Один мой компаньон уехал в Израиль, а другой в Америку. Я тогда решил остаться. Откуда было знать, что потом случится.

Халупович налил себе коньяка, затем, долив коньяк в бокал Дронго, поднял свой.

– Хороший коньяк, – словно убеждая самого себя, пробормотал он и выпил залпом, как будто это был виски или водка.

– Мне осталось около восьми миллионов долларов, – продолжал Халупович, – и мне захотелось развернуться. Вы даже не представляете, как я жил в девяносто седьмом – первой половине девяносто восьмого года. Снимал виллы в Сен-Тропе. Жил рядом с принцессой Дианой, она как раз в августе проводила там время со своим любовником, перед тем как погибнуть в Париже. Я начал расширять свое дело. Какое это было время, вы наверняка помните.

Он тяжело вздохнул.

– Кто мог тогда подумать, что будет дефолт девяносто восьмого. Весной уже чувствовались первые признаки катастрофы, когда Черномырдина поменяли на Кириенко. Но я ничего не хотел замечать. Даже деньги отказывался получать. Считал себя миллионером. Мне платили семьдесят пять процентов, а оставшиеся двадцать пять – после внедрения компьютеров. Доллар стоил шесть рублей, был стабильно зафиксирован, и мне казалось, что все будет в порядке. В начале августа я прилетел в Москву, и мы отметили день рождения моего друга в «Праге». А потом улетел отдыхать в Ниццу. Никогда не забуду, как восемнадцатого августа сидел в ресторане, а за соседним столиком разместился какой-то тип в полосатой майке. Он достал мобильный телефон и начал говорить, улыбаясь своему собеседнику. Но постепенно улыбка начала сползать с его лица. Сидевшая рядом с ним молодая женщина с ребенком не понимала, что происходит. Сначала они поужинали, а он все еще говорил. Затем терпеливо ждали. Затем пошли по магазинам, а он все еще сидел за столиком, не притрагиваясь к еде и продолжая говорить. Нужно было видеть его лицо в этот момент! Он говорил по телефону в общей сложности несколько часов. И тогда я понял, что произошло нечто непоправимое.

В общем, тогда объявили дефолт. Что было потом, вы знаете. Банки закрывались, рубль рухнул, все полетело в тартарары. Из моих денег мне удалось спасти миллиона полтора. Пришлось закрыть фирму, чтобы рассчитаться с долгами.

– Невеселая история, – сказал Дронго после того, как его гость замолчал, – надеюсь, вы не пришли просить у меня займы. У меня вряд ли найдутся такие деньги.

– Нет, – улыбнулся гость, – ценю ваш юмор. Но, слава богу, с этим у меня все в порядке. Мне даже удалось снова открыть фирму и несколько поправить дела. Правда, сейчас я беру деньги вперед и никому не доверяю. Я имею в виду – ни одному отечественному банку. Все деньги держу за рубежом, так надежнее. Но дело не в этом... Я думал, что все мои проблемы уже закончились. Но, оказывается, ошибался. В общем, я сам виноват. Этот дефолт так стукнул меня по голове, что я стал немного сентиментальным. Когда положение несколько стабилизировалось, я решил вспомнить всю свою жизнь. У каждого из нас есть свои воспоминания. У некоторых приятные, у некоторых не очень. Поэтому я решил коллекционировать приятные воспоминания. В жизни у меня были три женщины, встречи с которыми я запомнил. Три мгновения в моей жизни. Плюс жена. Вы скажете, что это мало для сорока четырех лет.

– Не скажу, – серьезно ответил Дронго. – Дело в том, что я не считаю количество женщин самым главным в жизни мужчины. Это тот случай, когда качество гораздо важнее. Некоторым везет еще больше, чем вам. Они встречают одну женщину и на всю жизнь. Это не так мало – четыре женщины в вашей жизни.

– Если бы четыре, – неожиданно грустно усмехнулся Халупович, – на самом деле я бабник. Элементарный бабник. Жена, конечно, ни о чем не догадывается. Я имел в виду четырех женщин, которые были в моей жизни. К которым я испытывал какие-то чувства. А остальные... вы, наверно, меня понимаете. У меня бывали и другие женщины.

– Не понимаю, – холодно заметил Дронго, – я полагал, что мужчина спит с женщиной, которая ему нравится, и для этого не нужны другие женщины.

– В таком случае вы не бабник, – вздохнул Эдуард Леонидович, – а мне нравится в отношениях с женщинами процесс узнавания, тайна каждой из них, их взаимоотношения друг с другом.

– В каком смысле?

– В смысле карнавала. Когда у меня появились большие деньги, я начал позволять себе встречаться с женщинами. Сразу с несколькими. Вы меня понимаете?

– Нет.

– Мне было интересно, – Халупович чуть смущенно улыбнулся, – чувствовал себя, как на приеме у врача. Понимаете, к сорока годам хочется чего-то нового, каких-то особых ощу-

ний. Женщин у меня было много. Некоторым я платил огромные деньги. После моего скитания по «почтовым ящикам», где приходилось утешаться вдовами или распутными бабенками, я мог себе позволить встречаться с теми, с кем захочу. Это мне понравилось. Постепенно я начал экспериментировать. Некоторые переходят на наркотики, некоторые становятся бисексуалами. Но я абсолютно нормальный мужчина. К тому же наркотики сказываются на работе, а это недопустимо в серьезном бизнесе. На алкоголь меня тоже особенно не тянуло.

Он взглянул на бутылку и улыбнулся:

– Это всего лишь для храбрости. Одним словом, я нормальный человек. Но однажды я позвал двух девушек – для себя и своего друга, а тот не приехал. И мне понравились обе девушки. Им было уже уплачено, и они обе остались. Это было так здорово. Потом я пригласил трех. Тоже понравилось. Нет, даже не так. Мне очень понравилось. С тех пор я стал приглашать девушек, заранее заказывая их по знакомым адресам. Причем я вызывал девиц из разных мест. Нужно было видеть, как они знакомились друг с другом. Это была настоящая драма, карнавал. Они немного ревновали друг друга, немного завидовали, приглядывались к невольным подругам. Даже следить за ними было ни с чем не сравнимым удовольствием. Однажды я зашел слишком далеко. Пригласил сразу пять. Трех из одного места и двух из другого. И вы знаете, это до сих пор лучшее мое воспоминание в жизни. Пять молодых красивых женщин – и я между ними. Если есть рай, то я был немного в раю. Я до сих пор помню всех их по именам. Это было красиво! Мы были вместе часа четыре, а когда я наконец поднялся с постели, они все вместе, все пять, вдруг начали мне аплодировать. Представляете? Это было так необычно. Только не думайте, что я хвастаюсь. Мне обычно говорят, что такого не может быть. Но я не вру, честное слово. Зачем мне вас обманывать, какой резон? Они мне аплодировали, и это было лучшее воспоминание моей жизни.

– В следующий раз закажу для вас диплом «заслуженного бабника», – пробормотал Дронго. – Вам не кажется, что вы несколько увлеклись? По-моему, вам доставляет удовольствие ваш рассказ. Или вам нужно было кому-то исповедаться?

– Конечно, нет. У меня случилась трагедия, и я пришел к вам за помощью. Мне нужно было все рассказать, чтобы вы меня поняли. Я не сентиментальный человек, но когда у тебя столько знакомых женщин, невольно вспоминаешь и другие отношения. Я решил вспомнить женщин, с которыми меня связывали не просто воспоминания. Три женщины, которых я любил и которым, как мне казалось, очень нравился. Кончается год, век, тысячелетие. Вот я и решил устроить себе такой праздник. Один раз в миллениум. Я разыскал их, нашел в других городах и вызвал в Москву. Я хотел познакомить их друг с другом.

– Надеюсь, вы не собирались проделывать с ними тот же эксперимент, что и с девочками по вызову?

– Нет, конечно. Ничего плохого. Посидеть за чашкой чая, просто познакомиться и поговорить. Кроме того, прошло много лет, – улыбнулся Халупович, – а эти дамы в возрасте, гораздо старше моей жены. Я собирался разместить их в разных отелях, чтобы потом преподнести сюрприз. У меня есть квартира для подобных целей. Каждая из женщин приехала на квартиру, чтобы посмотреть, где я живу. Конечно, я там не живу, но квартира неплохая. Три комнаты в центре города. Об этой квартире знают только мои близкие друзья, которые бывали у меня в гостях. Жена, конечно, ничего не знает. Женщины бывали у меня и раньше. А раз в неделю приходила домработница и убирала квартиру. Все было как обычно. Все три женщины, которых я разыскал через много лет, пришли ко мне в гости, по очереди, с интервалом в один час. Встретиться они никак не могли. Ничего между нами не было. С каждой я выпивал бокал шампанского, а затем вызывал машину, чтобы отвезти в отель. Вечером я должен был выехать в аэропорт, туда прилетал наш главный поставщик из Германии. Для него был заказан VIP-салон. Хорошо, что я решил ехать. Можно сказать, мне опять повезло. Я уехал в аэропорт, а домработница пришла как обычно. Потом сотрудники милиции мне сказали, что она пила

воду из бутылки, которая стояла на кухне. И в ней оказался яд. Не представляю, как он туда попал. Несчастливая женщина умерла на месте. Я был в это время в аэропорту, это могли подтвердить несколько свидетелей. Я собирался поехать на дачу, но должен был заехать домой, чтобы запереть дверь. Я долго стучал, но никто мне не открыл. Выяснилось, что дверь была заперта изнутри. Я стучал так громко, что собрались соседи. Тогда пришлось вызвать милицию. Я подумал, что в квартире воров. Хорошо, что мы вызвали милицию. Иначе я не представляю, как мог бы оправдаться. И мы обнаружили труп несчастной женщины. Как вспомню этот ужас, становится страшно. Эксперты установили, что смерть наступила мгновенно. И случилось это примерно в восемь часов вечера, как раз в тот момент, когда я встречал своего гостя в аэропорту. У меня оказалось железное алиби, меня запомнили и пограничники, и таможенники, и сотрудницы VIP-зала. Меня не стали задерживать и отпустили вчера утром. Жене я соврал, сказав, что был на даче. И с тех пор – а прошло уже два дня – хожу как убитый. Кому и зачем могла понадобиться моя смерть? Я ведь не сомневаюсь, что убить хотели не эту несчастную женщину, о существовании которой не знал никто, кроме меня. Но кто и зачем хотел моей смерти? Я два дня размышляю над этим ужасным случаем и не могу ничего для себя решить.

– Прокуратура возбудила уголовное дело?

– Да. И меня уже допросили. Вот поэтому я и пришел к вам. Абсолютно дикий случай, о котором даже страшно рассказывать. Тем не менее знающие люди посоветовали мне обратиться именно к вам. Они считают, что вы лучший эксперт в городе, лучший специалист по подобным запутанным делам.

Глава вторая

Дронго молчал несколько минут, обдумывая ситуацию, затем спросил:

– В доме ничего не пропало?

– Ничего. В квартире было пять тысяч долларов, и они остались лежать на месте. Ничего не пропало. Кроме того, дверь была заперта изнутри, а на седьмой этаж не так-то легко попасть. На балконах у меня жалюзи. Я их всегда держу закрытыми.

– Погибшая давно работала у вас?

– Полтора года. Очень исполнительная и тихая женщина. У нее осталась внучка, которую она воспитывала. Мать уехала куда-то в Югославию, а отец ребенка давно их бросил. Как вспомню, так мороз по коже. Я уже поручил своему секретарю присмотреть за ребенком. Девочке тринадцать лет, и у нее никого нет. Ее привезли к нам в офис и пока поселили в моей комнате отдыха. У нас круглосуточная охрана, и с девочкой ничего не может случиться. Конечно, я возьму на себя организацию похорон, но тело мне пока не выдали.

Он вздохнул и снова взял бутылку. Потом невесело усмехнулся:

– Под такой рассказ лучше глушить водку, чем этот коньяк. Он только усиливает напряжение. У вас можно курить? – спросил он.

– Вообще-то нет, – ответил Дронго, – но иногда, в виде исключения, я разрешаю это своим гостям. Сейчас принесу пепельницу.

Он поднялся и вышел на кухню. Вернувшись обратно, он поставил на стол пепельницу и большую бутылку водки.

– У меня есть водка, – предложил Дронго, – кажется, «Абсолют». Держу для своих гостей. Это водка с перцем.

– Спасибо, – улыбнулся Халупович, – я же сказал, что почти не пью. Обойдусь коньяком, – он достал сигару с уже обрезанным концом и щелкнул зажигалкой. Комната наполнилась ароматом дорогой сигары. Халупович налил себе коньяка и макнул сигару в рюмку.

– Вот такая у меня невероятная история, – наконец произнес он. – Но самое интересное, что буквально перед выездом в аэропорт мне кто-то позвонил. Какая-то женщина. На мой мобильный телефон. И сказала, что мне угрожает опасность. Представляете? Получается, что эта незнакомка знала о готовящемся покушении.

– Вы сообщили об этом следователю?

– Да. Они проверили этот звонок. Звонили из телефона-автомата. Откуда-то с Кузнецкого Моста.

Дронго мрачно кивнул и спросил:

– Этих женщин, которых вы пригласили, вы давно не видели или поддерживали с ними какие-то связи?

– Конечно, нет. Одну из них я не видел лет двадцать. Вторую – пятнадцать... Они очень изменились. Мой друг Эльмар, осетин, он сейчас работает в Вашингтоне, в нашем посольстве, как-то сказал мне, что не нужно встречаться с женщинами, которых ты знал раньше. Это приводит к невероятному разочарованию.

– Никогда не возвращайтесь туда, где вы были счастливы, – прокомментировал Дронго. – Ваш друг дал вам неплохой совет, почему же вы его не послушались?

– Не знаю. Я же говорю, что стал сентиментальным. Решил, что нужно собрать в Москве женщин, о которых хранил приятные воспоминания. Вот и вызвал в Москву этих трех. Одной из них мне даже пришлось помогать с получением визы.

– Давайте по порядку. Вы нашли трех женщин, с которыми когда-то были близки. Вы не видели их много лет, не знаете, что с ними было и как они теперь живут.

– Кое-что знаю, если сумел их найти.

– Тогда расскажите мне, что именно знаете. Вы хотите, чтобы я вам помог, но я не могу давать вам заочные советы, пока не пойму, что именно произошло.

– Понимаю. Извините, что отнимаю у вас время. Мы могли бы договориться об оплате ваших услуг.

– Об этом мы договоримся, – улыбнулся Дронго, – пока мне просто интересно с вами разговаривать. Я должен понять, что именно у вас произошло. Итак, в вашем доме побывали три женщины. Начнем по порядку. Когда пришла первая?

– В три часа дня. Я специально ушел с работы пораньше, и ее привез мой водитель. Она остановилась в отеле «Националь».

– Вы оплачивали их проживание в Москве?

– Конечно. Заказал им номера в разных отелях. Элга живет в «Национале».

– Как вы сказали?

– Элга Арнольдовна Руммо. Она приехала из Эстонии. Мне пришлось послать туда приглашение, чтобы ей оформили визу. Представляете, как все это странно. Она живет в Таллине, в том самом доме, в котором жила двадцать два года назад, когда мы впервые познакомились, – Халупович дымил сигарой, глубоко затягиваясь.

– Расскажите подробнее.

– Конечно. Меня отправили тогда в командировку в Эстонию. Как раз перед Олимпиадой, в семьдесят девятом году. Для нас Прибалтика была тогда настоящей границей. Я ведь не мог ездить за рубеж, так как работал в «почтовом ящике», откуда не пускали даже в Болгарию. В Таллине я пробыл почти месяц, здесь и познакомился с Элгой. Она была тогда стройной, всегда улыбающейся, смешливой блондинкой. С ней было так забавно.

– Она была замужем?

– Да. Но тогда прибалты считались в этом отношении более «продвинутыми», чем все остальные. На такую деталь мы не обращали внимания. У нее уже взрослый сын, двое внуков. Представляете? А она ведь старше меня только на полтора года. Правда, она очень изменилась. Ведь прошло столько лет. Но она с удовольствием приехала в Москву, кажется, даже не удивившись моему вызову.

– Вы встретились с ней в три часа дня?

– Да. Посидели немного, поговорили. Я пообещал ей позвонить. Она говорит по-русски с очень сильным прибалтийским акцентом.

– Потом она уехала в отель?

– Конечно. Мы отвезли ее в отель, и я заехал за второй женщиной. Она жила недалеко, в «Метрополе». Приехала из Екатеринбурга. Чудо, что мне удалось ее найти. Она поменяла адрес, переехала жить в другой район. Пришлось посылать туда помощника, чтобы он ее разыскал. Через столько лет. Я тогда работал в Екатеринбурге, вернее, не совсем в городе, наш «почтовый ящик» находился в пригороде. Иногда мы выбирались в центр. Тогда любой вокзальный ресторан был для нас идеальным местом отдыха. Вы же помните наглых швейцаров, которые не пускали посетителей. Поразительное было время. Во всем мире людей зазывают в рестораны, а у нас, наоборот, не пускали. Но я немного отвлекся. Мы тогда познакомились с Фаризой. Она жила с родителями, училась в институте. Мы встречались месяца три, а потом расстались. Как-то глупо расстались, просто перестали звонить друг другу, обиделись, как дети. Честно говоря, я даже думал на ней жениться. Но не получилось. Тогда мне было двадцать шесть. А ей двадцать. Через полгода меня перевели на другой объект. Но я еще несколько раз звонил ей, мы просто оставались друзьями. Интересно, что она почти не изменилась за столько лет. Девятнадцать лет прошло.

– Вы называли ее Фаризой?

– Да, Фариза Мамаджанова. Она по отцу узбечка, а по матери, кажется, украинка, но из Казахстана. Из бывших целинников. Такая интересная смесь.

- Извините за мой вопрос. Вы были ее первым мужчиной?
- Почему вы так решили? – удивился Эдуард Леонидович.
- Начало восьмидесятых, у нас в стране «секса нет», – пояснил Дронго, – жили в провинциальном городе, отец узбек. Естественно предположить, что она была еще девушкой.
- Да, – кивнул Халупович, – вы правы. Так все и было. Она не хотела приезжать, мне пришлось несколько раз звонить ей и уговаривать.
- Это ваша вторая женщина. А третья?
- Оксана из Киева. Там, слава богу, еще не нужна виза. Она приехала в Москву, но отказалась от отеля, решила жить у родственников. Я ей дал свой адрес, и она сама приехала ко мне в шесть часов вечера.
- Почему она отказалась от гостиницы?
- У нее в Москве живет сестра. Я, конечно, не стал настаивать. С Оксаной мы познакомились почти пятнадцать лет назад. Такая невероятная встреча в Киеве. Знаете, в какой год? Летом восемьдесят шестого, как раз после Чернобыля. В Киеве тогда было больно глотать. Это ощущение я помню до сих пор. Может, на нас так подействовала радиация? Это была невероятная встреча. Два дня мы ни о чем не могли думать. Мне было под тридцать, ей – уже тридцать. Это было так здорово.
- Она была замужем?
- Кажется, разведена. Тогда мы не задавали друг другу таких вопросов. Нас не интересовало ничего в этом мире. Это была даже не любовь, а внезапно вспыхнувшая страсть.
- У вас была интересная жизнь, – заметил Дронго.
- Наверно, – улыбнулся Эдуард Леонидович, потушив сигару. – Оксана задержалась чуть дольше остальных. Говорила по телефону со своей сестрой. Потом ушла сама, отказавшись от машины. И я, дождавшись домработницу, поехал в аэропорт.
- Вы не оставляли ей запасные ключи?
- Нет, никогда. Одна пара всегда со мной, вторая у меня дома. Нет, ключей не было ни у кого. Это мое твердое правило. Ключи от собственного сейфа я тоже никому не доверяю. Это исключено.
- Сотрудники милиции осмотрели тело? Признаков насилия не было?
- Конечно. Они все сфотографировали, осмотрели. Несчастная женщина случайно выпила воды – и умерла. На столике стояла большая бутылка воды. Французской воды «Эвиан». Я люблю эту воду. И мой водитель всегда привозит мне несколько бутылок. Для кофе я использую ключевую воду, а в натуральном виде пью «Эвиан». Кто мог подумать, что такое может случиться. Там был какой-то сильный яд, по-моему, что-то связанное с крысиной отравой, я точно не понял, что именно. Несчастная работала в трех местах. Я понимаю, конечно, что убить хотели меня, а не ее. Но тогда вопрос: кто именно?
- Вы не помните, кто из ваших старых знакомых проходил на кухню?
- Помню, конечно. Они все были на кухне. Мы не виделись столько лет, и каждой из них хотелось осмотреть мою квартиру. Это типичное жилище холостяка. Откуда им знать, что я давно женат и у меня взрослая дочь.
- Сколько лет дочери?
- Пятнадцать.
- Когда вы встречались с Оксаной, вы были уже женаты?
- Да, но какое это имеет значение? Я же вам объяснил, что это была не любовь, а страсть.
- Ваша жена догадывается о вашем любвеобильном характере?
- Не думаю. Мы никогда не говорили на подобные темы. Я веду себя достаточно скромно, чтобы не доставлять ей неприятностей. И потом, по большому счету, я ей никогда не изменял, даже с Оксаной.

Дронго удивленно посмотрел на гостя. Потом взял бутылку коньяка и плеснул себе жидкость на дно бокала.

– Мне иногда трудно следить за вашей логикой, – усмехнулся он, – я не совсем понимаю вашу последнюю фразу. А все ваши встречи с девушками по вызову и ваша «страсть» к Оксане были чисто платоническими? Или вы вкладывали в эти слова другой смысл?

– Физически я, конечно, с ними спал, но не изменял жене, – пояснил Халупович, – то есть у меня и в мыслях не было оставить жену и дочь, уйдя к кому-нибудь из них, даже к Оксане. Это всего лишь «физические упражнения», необходимые для поднятия тонуса. Рассказывают, что президент Джон Кеннеди однажды признался, что не может обходиться без женщин. Если у него оказывался пропущенным хотя бы один день, у него начинала болеть голова. Но он ведь не собирался разводиться со своей женой. Эти встречи были ему физически необходимы.

– Теперь я понял. То есть вы отделяете понятие «измена» от физической близости с другими женщинами?

– Безусловно. А вы думаете иначе?

– Честно говоря, да, – пробормотал Дронго, – но у каждого своя логика. Я уже давно избегаю давать советы кому-либо по таким вопросам. Это личное дело каждого. Однако мне интересно, как вы относитесь к своей супруге.

– Я ее очень люблю.

– Не сомневаюсь. Надеюсь, вы не распространяете эту теорию на свою жену? Или вы полагаете, что она тоже может иметь право на «физические упражнения»? Простите, что я задаю вам такой вопрос, но мне необходимо уяснить суть проблемы.

– Это разные вещи, – обиделся Эдуард Леонидович, – у вас мораль девятнадцатого века. Мы свободные люди. Мне для поддержания необходимой формы нужны другие женщины. А ей вполне хватает такого мужчины, как я.

– «Девятнадцатого», – пробормотал Дронго, – тогда все понятно. Итак, вы полагаете, что ваша жена ни о чем не догадывается?

– Она понимает, что я не ангел, но в подробности я ее никогда не посвящаю. И про квартиру она тоже не знает.

– Ей никто не мог рассказать про ваши встречи?

– Нет, конечно. Никто о них не знал. Вы думаете, что она узнала о моей квартире, пришла и решила меня убить? – Халупович усмехнулся. – Вы не знаете мою супругу. Она никогда в жизни не позволит себе опуститься до наблюдения за мной. Никогда. И уж тем более не станет входить в квартиру, куда ее не приглашали, чтобы отравить воду в бутылке. Нет, это невозможно.

– Насчет вашей супруги может быть, но насчет того, что никто не знал про ваши встречи, вы ошибаетесь. Я уже насчитал, по крайней мере, еще двух или трех людей, которые могли об этом знать.

– Вы имеете в виду женщин, которых я пригласил? Но я им не рассказывал друг о друге.

– Нет. Я имею в виду вашего помощника, который искал Мамаджанову в Екатеринбурге, вашего водителя, который развозил женщин по гостиницам, наконец, вашу секретаршу, которая взяла на себя заботу о девочке. Все они могли знать о вашей квартире.

– Они знают, – согласился Халупович, – но знают только детали. Помощник искал в Екатеринбурге нужную мне женщину. Я не посвящал его в мою прежнюю жизнь. Водитель вообще ничего не знает. Его задача привезти и увезти нужного мне человека. А секретарша занимается девочкой, бабушка которой погибла. При чем тут мои встречи?

– Номера в отелях заказывала ваша секретарша?

– Да, конечно.

– Вы с ней в близких отношениях? Сколько ей лет?

– Двадцать три года. Но между нами ничего не было, честное слово. Она только моя секретарша.

– Красивая девушка?

– Да, но она не девушка. Она уже мама, у нее трехлетний сын. Работает у меня два года. Мне рекомендовал ее один из наших начальников отдела. Это его племянница. Знает английский и испанский языки, очень прилежная, дисциплинированная. Вы понимаете, нужно соблюдать «разумные пределы». Я не аскет, но стараюсь не афишировать свои связи.

– Хорошая фраза, – улыбнулся Дронго, – про «разумные пределы». Будем считать, что вы меня не обманываете. Ваш случай, конечно, очень интересный. Собрать в Москве трех женщин, с которыми встречались много лет назад. Само по себе это достаточно интересно. А еще попытка вас убить, если, конечно, убить хотели именно вас.

– Вы можете мне помочь? – спросил Халупович. – В прокуратуре считают, что она сама могла перепутать яд с каким-то продуктом и положить его в бутылку. Но у меня не было в доме такого яда, и уж тем более ей не нужно было смешивать его с водой.

– Может, у вас завелись крысы?

– На седьмом этаже? Нет, у меня никогда не было крыс.

– У вас есть в квартире мусоропровод?

– Нет, он на лестничной клетке. И вообще я достаточно цивилизованный человек, чтобы не травить крыс, которых у меня никогда не было, каким-то самодельным способом. Я доверяю профессионалам. Для этого я вызвал бы специалиста из отдела профдезинфекции. По той же причине я обратился и к вам. Вы лучший профессионал из тех, кого мне рекомендовали. И мне нужно, чтобы вы нашли «крысу», которая хотела меня укусить.

– Очень образно, – Дронго поднял свой бокал, – хорошо. У меня сейчас есть время, и я могу заняться вашим необычным случаем. Мы сможем прямо сейчас проехать в отели, чтобы побеседовать с вашими женщинами?

– Конечно, я им позвоню. Они и так беспокоятся. Я вызвал их в Москву, а сам не встречаюсь с ними уже два дня. Представляю, что они обо мне думают.

– Вы говорили о них сотрудникам милиции или прокуратуры?

– Нет, конечно, не говорил. Как бы я мог объяснить их появление сотрудникам милиции? Когда я уезжал в аэропорт, домработница была еще жива, и я не считал возможным говорить о своих знакомых следователям.

– Поедем прямо сейчас, – решил Дронго, – не нужно откладывать. Следователи могут узнать о визите на вашу квартиру неизвестных женщин и заинтересоваться ими. Я только переоденусь.

– Насчет вашего гонорара... – начал Халупович. – Вы можете назвать сумму, чтобы мы ее обговорили?

– Да, – сказал Дронго, поднимаясь с кресла, – терпеть не могу этого момента. Но думаю, сорок тысяч меня вполне устроят. Конечно, я не гарантирую вам успешного завершения дела. Надеюсь, вы меня понимаете?

– Вполне, – Эдуард Леонидович полез в карман, – пятьдесят процентов аванса вас устроит?

– Уберите деньги, – мрачно посоветовал Дронго, – сначала я сделаю свою работу. В моей практике было несколько случаев, когда мне приходилось отказываться от оплаты.

– Почему? – удивился Халупович.

– Вы могли сами подстроить подобное убийство, – объяснил Дронго. – Возможно, ваша домработница что-то узнала и вы специально оставили эту бутылку на кухне, а сами уехали в аэропорт, чтобы гарантировать свое алиби. Такой вариант вы исключаете?

Халупович открыл рот, потом закрыл его и с ужасом уставился на собеседника.

– Вы и меня подозреваете?

– Я говорю об этом как об одном из вариантов развития событий, – пояснил Дронго, – но, думаю, это самый нереальный вариант. В конце концов, вы могли ее просто выгнать. Вы слишком разные люди, чтобы ваши интересы хоть как-то могли пересечься. Именно поэтому я не беру денег заранее. Подождите меня немного, я переоденусь, и мы поедem в гости к вашим знакомым.

Глава третья

Выйдя из дома, они сели в белый «Ауди». Это была восьмая модель, с большим, просторным салоном. Дронго усмехнулся, когда сел в машину. Обычно бизнесмены предпочитали «Мерседесы», которые давно стали признаком дурного вкуса. Сами машины были в этом виноваты меньше всего. Но выбор «Ауди» говорил и о вкусе самого Халуповича. За рулем сидел молодой человек, на вид лет двадцати пяти. У него были красивые каштановые волосы, правильные черты лица. Когда они сели в машину, он открыл дверцу для Халуповича, и было заметно, что он выше своего патрона.

«Ребят с такой внешностью и ростом раньше отбирали в гвардию», – подумал Дронго.

Машина проезжала по Тверской, когда Халупович показал на один из домов.

– Здесь моя квартира.

– Первая или вторая? – уточнил Дронго.

– Та самая, – нахмурился Халупович. – В квартире, где живет моя семья, есть охрана, и там не может появиться незваный гость. Как в вашем доме.

– А в этой квартире охраны нет, – понял Дронго, – но у вас в подъезде должна быть дверь с кодовым замком.

– Она есть, – кивнул Халупович, – но кого она может остановить? Нужно только дождаться кого-нибудь из жильцов и войти в дом вместе с ним. Рискованно, но абсолютно надежно. Это не защита от воров, скорее она служит преградой для мальчишек и бомжей, которые не могут теперь греться в теплых подъездах.

– Потом вернемся к вам, и я осмотрю вашу квартиру, – предложил Дронго. – Позвоните в «Националь» и скажите вашей знакомой, что мы скоро будем.

– Да, конечно, – Халупович достал телефонный аппарат и набрал номер.

– Вы давали номер своего мобильного телефона этим женщинам? – спросил Дронго.

– Думаете, позвонил кто-то из них? – понял Халупович. – Конечно, давал. Они в чужом городе, вдруг им что-нибудь понадобится. Алло, – произнес он, наконец дозвонившись. – Добрый вечер, Элга. Как у тебя дела? Нет, все в порядке. Я скоро к тебе заеду. Со мной один мой друг, он хочет с тобой поговорить. Нет, нет, ты его не знаешь. Спасибо, Элга, мы скоро будем.

Он убрал телефон в карман.

– Спрашивает, где я пропадал два дня. Так неудачно все получилось. Я планировал совсем по-другому устроить эти свидания.

– Иногда наши планы меняются независимо от наших желаний, – заметил Дронго и, кивнув в сторону молодого человека, сидевшего за рулем, спросил:

– Это тот самый водитель, с которым вы ездили за своими знакомыми?

– Нет, – поняв, о чем именно хочет спросить его Дронго, ответил Халупович, – это не тот. Это представительская машина. Егор раньше служил в Кремлевском полку. Такой красавец, что его даже сняли на обложку какого-то зарубежного журнала. Он мне показывал этот журнал. А женщины приезжали ко мне на другом автомобиле. Тот немного поменьше. «Шеврале Кавалер». Второй водитель гораздо старше Егора. Ему за пятьдесят. И он работает со мной лет шесть. Я ему вполне доверяю.

– Мне нужно будет с ним увидеться.

– Конечно. Я могу вызвать его в любое время.

– Кстати, кто выбирает вам машины?

– Никто. Я сам. Мне не нравятся стандартные модели, которые есть у всех. Предпочитаю что-нибудь оригинальное.

– Я это заметил. Вам не говорили, что вы большой оригинал?

– Говорили. Но мне кажется, что это неплохо. Не люблю стандартного мышления, одинаковой одежды, похожих мыслей и выражений. Каждый человек, по-моему, – удивительное творение природы. Может, поэтому меня так тянет к женщинам. Встречаясь с ними, я каждый раз невольно прикасаюсь к чужой человеческой тайне.

– И вы полагаете, что вам удастся разгадывать чужие тайны?

– Не всегда, – честно признался Эдуард Леонидович.

– «У меня было много женщин. Но каждый раз, встречаясь с ними, я бывал одинок. А это в конечном итоге – худшее из одиночеств». Это сказал Хемингуэй. А он понимал толк в женщинах.

– Красиво, – согласился Халупович, – может, это действительно так. В конце концов, каждый из нас так трагически одинок на этом свете. Вы верите в загробную жизнь?

– Нет. Очень хочется верить, но мой разум отказывается признавать бесконечность. И в переселение душ я тоже не верю.

– Вы материалист, – понял Халупович, – поэтому вы так безусловно верите в силу вашей логики. А я верю в переселение душ. И в загробную жизнь. Иначе нет смысла в нашем появлении на этом свете.

– В таком случае вам нужно замаливать собственные грехи, – посоветовал Дронго, – иначе на том свете попадете в ад.

– Надеюсь, что не попаду. За мной числится только грех прелюбодеяния. Никаких других грехов у меня нет, я их просто не совершал. Может, поэтому мне так важно найти убийцу.

– Но учтите, вам придется удалиться, когда я буду разговаривать с вашей знакомой.

– Как это удалиться? – не понял Эдуард Леонидович. – Почему удалиться? Мне казалось естественным, что вы будете разговаривать с каждой из них в моем присутствии.

– Нет, – возразил Дронго, – в вашем присутствии они не станут мне ничего рассказывать. Чтобы спокойно разговаривать с ними, мне придется остаться с ними без вас.

– Может, мне вообще туда не ездить? – недовольно спросил Халупович.

– Мне важно, чтобы именно вы меня представили. Потом вам может позвонить ваш водитель, и вы уедете. Кстати, если сейчас еще не очень поздно, то попросите приехать ваших помощника и водителя к вам на квартиру.

– Хорошо.

Больше не было произнесено ни слова. Автомобиль, свернув к «Националю», остановился перед входом. Халупович и Дронго вошли в гостиницу. Очевидно, Эдуард Леонидович был здесь своим человеком, так как, любезно улыбаясь, его приветствовал метрдотель. Они поднялись в номер, где остановилась Элга Арнольдовна Руммо.

Она открыла дверь, улыбаясь гостям. На ней было темно-зеленое платье. Это была располневшая женщина лет сорока пяти, с несколько выцветшими светлыми волосами. Под глазами были небольшие припухлости, возможно, следствие больных почек. На ногах было заметно варикозное расширение вен. Увидев вошедших, она всплеснула руками и отступила на шаг в комнату.

– Здравствуй, Эдик, – сказала она с характерным эстонским акцентом – подчеркиванием согласных, – как хорошо, что ты наконец приехал.

В ее устах это прозвучало примерно так: «Здравствт-вуй Эттиkk. Ккакк ххоррошшо, ччто тты ннааконецц пприеххал».

– Здравствуй, – кивнул ей Халупович, входя первым и целуя ее в щеку, – познакомься, Элга, это мой знакомый. Мистер Дронго.

– У васс странное имя, – сказала Элга, протягивая руку, – но ммене пприяттно с вамми ппознакомиттсья, ммисттер Дронго.

– Спасибо, – Дронго пожал ей руку.

Женщина была среднего роста, но смотрелась гораздо внушительнее, чем Халупович, хотя тот был с ней примерно одного роста.

– Элга, – сказал Эдуард Леонидович, глядя в глаза своей старой знакомой, – у меня к тебе большая просьба. Поговори с моим другом. У меня случилась очень неприятная история, погибла моя домработница.

– Как это погибла? – испуганно спросила Элга. Очевидно, десять лет независимости сказались на ее характере. Здесь она чувствовала себя в чужом городе, которого немного побаивалась.

– Погибла, – подтвердил Халупович, – ты меня очень обяжешь, если переговоришь с моим другом. У него есть к тебе несколько вопросов.

– Панимаю, – кивнула Элга, – я ему расскажу все, что знаю. Ты не останешься у меня?

– Нет, – сказал Халупович, – сегодня нет. Я подожду вас внизу, в ресторане, – добавил он, обращаясь к Дронго, – и заодно вызову всех, о ком мы договаривались. Извини, Элга, я не хочу вам мешать. Лучше подожду внизу.

Он повернулся и вышел из номера. Женщина удивленно посмотрела ему вслед. Затем обратилась к Дронго:

– Это невероятно. Почему он ушел? Вы не знаете?

– Кажется, догадываюсь, – мрачно ответил Дронго, – вы разрешите мне сесть?

– Конечно. Садитесь в кресло, – разрешила она, устраиваясь напротив него.

Дронго обратил внимание на ее обувь. Довольно дорогая обувь для женщины, принявшей подарок старого знакомого – бесплатную поездку в Москву. И ухоженные холеные руки. Глаза у нее были редкого зеленого цвета.

– О чем вы хотели со мной поговорить? – поинтересовалась она, обращаясь к Дронго. Она, конечно, немного волновалась, но чувствовала себя более уверенно, чем многие женщины, оказавшиеся бы на ее месте.

– У него погибла домработница, – повторил Дронго, – поэтому он попросил меня выяснить некоторые детали случившегося еще до того, как сотрудники прокуратуры захотят с вами встретиться.

– Понятно, – она незаметно вздохнула, – что я должна вам сказать?

– Рассказать вашу историю, – предложил Дронго, – вы ведь встретились с Эдуардом Леонидовичем через двадцать лет после того, как виделись в последний раз. Неужели вас не удивил этот звонок?

– Через двадцать два года, – поправила его Элга, чуть усмехнувшись, – мы не виделись целых двадцать два года.

– И не удивились, когда он вам позвонил?

– Нет, не удивилась.

– Можно узнать, почему?

– Я часто о нем вспоминала. Часто о нем думала. А он, очевидно, думал обо мне. Мне всегда казалось, что рано или поздно мы обязательно встретимся. Даже если не в этой жизни, то в другой.

– Вы верите в Бога?

– Странный вопрос. Я должна на него отвечать?

– Если хотите...

– Да, я верующая, – с некоторым вызовом сказала она.

– Спасибо. Извините меня еще раз за мой вопрос. Вы помните ваши встречи в Таллине?

– Конечно, помню, – улыбнулась Элга, – это были лучшие дни моей молодости. Нам было очень хорошо вдвоем. Мы встречались у отеля «Виру» и потом шли через старый город. Он как раз начинается рядом с «Виру». Вы бывали в Таллине?

Она выговаривала название своего города с двумя буквами «н», как он теперь официально назывался, словно в пику русскому языку используя две согласные «л» и две «н».

– Много раз, – кивнул Дронго, – я вообще любил Прибалтику, и особенно ваш город. И неплохо его знаю.

– Спасибо, – ей было приятно, – у нас столько всего поменялось за эти годы.

– Вы встречались с ним в семьдесят девятом?

– Да, тогда у нас готовились к Олимпиаде. Официально считалось, что она будет в Москве, но у нас проходила олимпийская регата. В городе было полно офицеров КГБ. Я сначала думала, что он один из них. Он работал на какой-то секретной работе, и я думала, что он меня обманывает. Он выглядел тогда таким таинственным, говорил какие-то общие слова, не говорил ничего о своей работе. Он мне тогда очень понравился.

– Вы были не замужем?

– Неужели вы думаете, что он был моим первым мужчиной? – усмехнулась Элга. – Конечно, нет.

Она взяла свою сумочку, достала из нее пачку сигарет, щелкнула зажигалкой. Дронго обратил внимание на ее сумочку. Она была от «Селин» и стоила не меньше четырехсот долларов. Женщина закурила и продолжала:

– Я встречалась с парнями, когда еще училась в школе. В девятом классе. А потом у меня был близкий друг, которого призвали в армию. В институте я близко сошлась с нашим молодым преподавателем. Потом вышла замуж уже за другого молодого человека. Когда мы встретились с Эдиком, у меня уже был сын. Мне было тогда двадцать пять, а ему только двадцать три. Он был такой молодой, волосы кудрявые. Он был шатеном. Сейчас в это невозможно поверить, но я не сразу узнала его. Он стал лысым, – рассмеялась Элга.

– Он знал, что вы замужем?

– Конечно, знал. Мы встречались почти целый месяц. Все время, пока он был у нас в Таллине. Я в него тогда сильно влюбилась. У меня не было еще такого парня. Он был искренним, нежным, каким-то особенно мягким, заботливым в постели. Никогда не ходил в ванную комнату раньше меня. И ухаживал за мной так трогательно. Мне до сих пор больно это вспоминать. Он был такой предупредительный. Наверное, потому, что был такой молодой. Я думаю, что до меня у него было мало женщин. Одна или две. По-настоящему я стала его первой женщиной. Говорят, что у каждого мужчины должна быть в жизни такая женщина. Вот я и стала такой его женщиной. Мне было уже двадцать пять. Я была очень, как это по-русски, миниатюрной.

– И больше вы с ним никогда не виделись?

– Нет, никогда. Я думала, он позвонит, но он не стал звонить. У него были свои проблемы, это был молодой, амбициозный человек. Зачем ему замужняя женщина? Тогда к его услугам было много молодых женщин. Он уехал и забыл меня. А я его не забыла.

Докурив сигарету, она потушила ее в пепельнице. Дронго посмотрел на зажигалку. Она стоила не меньше ста долларов. «Интересная женщина», – подумал он.

– И с тех пор вы не виделись? – уточнил Дронго.

– Нет, с тех пор не виделись. И я ничего о нем не знала. Но подсознательно чувствовала, что когда-нибудь мы увидимся.

– И вы не удивились, когда он вам позвонил?

– Конечно, очень удивилась. Я не думала, что он сможет меня найти. Через столько лет. Он прислал мне, как это сказать, ах да, приглашение, и я оформила себе визу в российском посольстве.

– Кем вы работали, когда познакомились с Халуповичем?

– Лаборанткой, – ответила Элга, доставая вторую сигарету из сумочки. И снова щелкнула зажигалкой.

– Вам было двадцать пять лет, – напомнил Дронго, – а кем работал тогда ваш муж?

- У нее чуть изменилось лицо. Выпустив струю дыма, она произнесла ровным голосом:
- Он был водителем у секретаря райкома партии. Тогда у нас еще были райкомы партии, если вы помните, конечно.
 - Помню, – улыбнулся Дронго, – вы сказали, что у вас был сын. Сейчас он уже взрослый.
 - Да, – оживилась она, – у меня сын и дочь. И двое внуков – дети сына. Я уже бабушка, правда, очень молодая.
 - И красивая, – добавил Дронго.
 - Спасибо, – улыбнулась она, – мы сидим здесь и ничего не едим. Давайте я закажу что-нибудь в ресторане. Пусть нам принесут. А то в мини-баре очень маленькие бутылки. Вчера ко мне приходила одна моя знакомая, мы с ней очень славно посидели в ресторане.
 - Здесь хороший ресторан, – кивнул Дронго, – значит, у вас есть сын и дочь. Сколько лет дочери?
 - Шестнадцать, – она улыбнулась, – она студентка, у меня есть ее фотография.
- Элга снова открыла сумочку и достала фотографию. На ней были двое молодых людей. Молодой человек и девушка стояли в обнимку, глядя в объектив фотоаппарата.
- Это мои дети, – гордо сообщила Элга, – сын ездил к ней в Лондон, она там учится.
 - Наверное, хорошо учится?
 - Да, очень. Мне вообще повезло с детьми.
- Он протянул ей фотографию и, когда она дотронулась рукой до карточки, расчетливо спросил:
- А с кем вам не повезло?
- Фотография в ее руках дрогнула. Ощутимо дрогнула. Выхватив у него из рук фотокарточку, она быстро спрятала ее в сумку, словно защищая своих детей от непрошеного внимания.
- Что вам нужно? – мрачно спросила она. – Зачем вы меня мучаете? Кто вы такой?
 - Я эксперт по расследованиям преступлений, – пояснил Дронго, – и у меня не очень приятная для окружающих профессия. Иногда мои вопросы приводят людей к нервному срыву, иногда доводят до слез. Но моя работа такова, что я должен задавать вопросы и получать на них ответы. Моя главная задача – видеть и слушать. Причем слушать так, чтобы услышать то, что мне нужно.
 - И вы что-нибудь услышали?
 - Немного. Но, если позволите, я изложу вам некоторые свои наблюдения. Во-первых, вы не сказали Халуповичу о своей дочери, которая родилась через шесть лет после вашего знакомства. Мне вы показали карточку своих детей, а ему об этом не сказали. Хотя он успел узнать, что у вас есть двое внуков от сына. Подсознательно вы что-то хотели от него скрыть. Во-вторых, вы работали лаборанткой, а ваш муж водителем. Я понимаю, что за эти годы могли произойти большие изменения, но не настолько большие, чтобы вы носили такую дорогую обувь, имели столь дорогую зажигалку, сумку, а ваша дочь училась бы в Англии. Даже если ваш супруг получил огромное наследство или неожиданно разбогател, то и тогда вы бы не вели себя так. И уж наверняка не стали бы заказывать в номер обед из ресторана или обедать в «Национале», где нужно оставить весьма приличные деньги. Для этого нужны годы привыкания. И, судя по всему, сын и дочь не очень похожи на вас. Но, боюсь, они похожи на разных мужчин. У вас был еще и другой мужчина?
- Она тяжело вздохнула, потушила вторую сигарету, достала третью.
- Я об этом никому не говорила, – призналась Элга, – прошло столько лет.
- Закурив, она убрала зажигалку в сумочку.
- У меня второй муж, – сообщила она Дронго, – но я не стала говорить об этом Эдику. У меня осталась фамилия моего первого мужа – Руммо. Такую фамилию носит и мой сын. А семнадцать лет назад я вышла замуж во второй раз.
 - А почему вы не сказали об этом Халуповичу?

– Не сочла нужным.

– Он считает, что вы до сих пор живете с первым мужем. Именно поэтому он вызвал вас сюда и оплатил вам отель и билеты. И вы не стали ему ничего говорить. Но, судя по вашему виду и манерам, у вас сильно изменилось социальное положение. И вы ничего не сказали об этом Халуповичу. Я могу узнать, почему?

– А почему вы считаете, что я должна говорить об этом вам?

– Погибла женщина, – пояснил Дронго, – и вашего бывшего друга могут подозревать. Именно поэтому я приехал сюда. Неужели вам безразлично, что с ним случится?

– Я думала, что вы меня обманываете, – растерялась Элга. Она потушила третью сигарету, посмотрела на пачку сигарет, на сумочку, но четвертую сигарету доставать не стала.

– Что вас интересует? – спросила Элга.

– Мне кажется, вы сознательно что-то скрываете. Или я не прав?

Она молчала. Целую минуту. Смотрела на свою сумочку и молчала. Потом медленно сказала:

– Вы что-то узнали?

– Пока нет. Но, рассказывая о вашей встрече с Халуповичем двадцать два года назад, вы оговорились, что вам до сих пор больно об этом вспоминать. Почему «больно»? Почему вы использовали именно это слово?

Он ждал еще целую минуту. Наконец она решилась. Потянулась за сумочкой, достала зажигалку, вытащила новую сигарету из пачки.

– Я не хотела рассказывать Эдику о своей трагедии, – проговорила она наконец, – не хотела, чтобы он узнал о случившемся.

– Это связано с вашим первым мужем? – понял Дронго. – Вы сказали Халуповичу, что до сих пор живете со своим мужем.

– Да. Я поэтому и не меняю фамилию. Эдик уехал тогда, успев со мной попрощаться. А через некоторое время я узнала, что моему мужу все рассказали. В подробностях. Всегда есть сплетники, которым доставляет удовольствие видеть, как мучаются люди от их слов. Особого рода садисты.

Это случилось примерно через месяц после отъезда Эдика. Об этом узнали на работе мужа, в райкоме. Секретарь сказал, что водитель такой солидной организации должен разобраться со своей морально разложившейся супругой, иначе мужа самого выгонят из райкома. Я думаю, секретарь просто злился на меня. Он был молодой, лет тридцати пяти. И он несколько раз меня видел, пытался за мной ухаживать. Но он мне не нравился. Какой-то слизняк был, гнида, а не мужчина. Вот он и рассказал все мужу, решив отомстить таким образом. Муж вернулся домой, наорал на меня в присутствии сына. А потом впервые в жизни меня ударил. И куда-то уехал...

Она судорожно вздохнула.

– Потом мне рассказали, что муж пил в ту ночь до утра. Без всякой меры. А утром, возвращаясь домой, заснул за рулем и врезался в автобус. Водитель автобуса и еще два человека были ранены, а мой муж погиб. Сразу...

Она резким движением потушила сигарету.

– С тех пор я не меняла фамилию. Это случилось так давно. Через шесть лет я встретила другого человека. Он работал заместителем директора института. Уже тогда это был достаточно состоятельный человек. Я переехала к нему, а сын с матерью остались в моей прежней квартире. Потом у нас родилась дочь, после девяностого года муж стал директором института, у них появились большие деньги – они начали сдавать в аренду свои помещения. Муж удачно вложил их в бизнес. Мы стали жить гораздо лучше. Даже позволили себе послать дочь учиться в Англию. А про историю с моим первым мужем я никому не рассказывала. Это было очень больно. На похоронах мужа я плюнула в лицо этому секретарю райкома. Меня чуть не посадили

в тюрьму, в КГБ считали, что это был антисоветский жест. Но вступилась первый секретарь, она была мудрая женщина. Сейчас смешно вспоминать. Когда мы вышли из состава Советского Союза, нашим главным националистом стал тот самый секретарь райкома. Он сразу выбросил свой партийный билет и начал агитировать за независимость. Недавно я его встретила. Раньше он продавал лес, потом разорился. Сейчас у него небольшой продуктовый магазин. Такой жалкий стал, всем улыбается, старается угодить. Вот такая у меня история. Только вы ничего не рассказывайте Эдику, он будет переживать, нервничать. Зачем ему об этом знать? Он ведь ни в чем не виноват.

Дронго молчал, давая ей возможность собраться с мыслями. Затем уточнил:

– Когда вы были у него дома, кто-нибудь еще был в квартире?

– Нет, никого.

– Вы пили шампанское?

– Кажется, да. Мы немного посидели, побеседовали. Эдик очень изменился. Стал нервным, суетливым. Постарел, – грустно улыбнулась она, – наверное, я тоже сильно постарела, только не замечаю этого. Представляю, с каким ужасом он на меня смотрел. Через столько лет.

– Вы не заходили на кухню?

– Конечно, заходила. Мне было интересно посмотреть, как Эдик живет. Кухня у него хорошая. И квартира в центре. Я не думала, что он останется холостым столько лет.

– Это он вам сказал?

– Да. Сказал, что живет в этой квартире один.

– Кроме шампанского, вы что-нибудь пили?

– Кажется, кофе. Он приготовил чудесный кофе, у него есть кофеварка. Мы выпили кофе, и я предложила помыть чашечки. Но он не разрешил. После этого я уехала, и он сказал мне, что позвонит. Теперь я понимаю, почему он был так занят вчера и сегодня.

– Вы знали, что к нему кто-то должен прийти?

– Нет, не знала. Но почувствовала. Женщина всегда чувствует такие вещи. Он два раза незаметно посмотрел на часы. Наверно, торопился с кем-то встретиться. И на кухне было несколько одинаковых бутылок шампанского. Я поняла, что у него часто бывают женщины. Но я не ревновала. К чему ревновать спустя столько лет...

– А ваш муж? Он не спросил вас, почему вы решили поехать в Москву?

– Мы женаты уже много лет, и он мне вполне доверяет, – пояснила Элга, – и потом, я давно собиралась посетить Москву. Я объяснила мужу, что вызов прислал мой давний знакомый, и он меня отпустил.

– Когда вы уезжаете обратно?

– Через два дня.

– Последний вопрос. Вы знаете номер его мобильного телефона?

– Знаю, – кивнула Элга, – он дал номер личного мобильного телефона, и я запомнила его. Вы хотите, чтобы я ему позвонила?

– Нет, спасибо. У меня нет больше вопросов. Извините, что побеспокоил.

– Мне было приятно с вами разговаривать, – ответила Элга.

– Еще раз спасибо, – он поднялся с кресла. – Я хочу извиниться за свои вопросы, Элга. Понимаю, что невольно причинил вам боль.

– Ничего, – она кивнула ему в знак прощения, – как это говорят англичане, у каждого есть свой «скелет в шкафу».

Поцеловав ей руку, он вышел из номера и спустился вниз. В холле отеля нервно прохаживался Эдуард Леонидович. Увидев Дронго, он шагнул к нему.

– Наконец-то! Почему так долго? Что она вам говорила?

– О вашей прежней встрече, ей было приятно вспомнить ваши отношения.

– Конечно, – широко улыбнулся Халупович, – нам было очень хорошо. Поедем быстрее, в «Метрополе» нас ждет Фариза.

– Как вы сами считаете, кто мог позвонить вам, чтобы предупредить? Я имею в виду, кто из трех ваших женщин?

– Не знаю, – нахмурился Эдуард Леонидович. – Может быть, Элга? Хотя я не уверен. Голоса я не узнал.

Уже в салоне автомобиля, когда они отъехали от «Националя», Дронго неожиданно спросил:

– Скажите, Эдуард Леонидович, у вас бывают приступы депрессии?

– Нет, – усмехнулся Халупович, держа в руках сигару, – никогда. Иногда я нервничаю, срываюсь, но стараюсь брать себя в руки. А почему вы спрашиваете?

– Для себя, чтобы лучше понять ваш характер.

Глава четвертая

К гостинице «Метрополь» они подъехали через пять минут. Поздно вечером перед зданием Государственной думы было не так много автомобилей и не было привычных заторов. Им пришлось пройти к метрдотелю и объяснить, куда именно они собираются идти. Метрдотель позвонил в номер Мамаджановой и, получив ее согласие, разрешил им пройти к лифту, чтобы подняться в номер. Они прошли по коридору. Дверь была уже открыта. На пороге стояла женщина. Она не была молода, но ее нельзя было назвать и пожилой. Очевидно, она следила за собой, так как была очень подтянутой, стройной. Если вспомнить рассказ Халуповича, то ей должно было быть под сорок. Однако в темных брюках и светлом джемпере она выглядела неплохо. На лице почти не было заметных следов макияжа, волосы собраны на затылке. Очевидно, она их ждала.

Женщина приветливо улыбнулась Дронго и угловато поцеловалась с Халуповичем. Для него подобный поцелуй был привычным приветствием, для нее, очевидно, несколько экстравагантным поступком. Но она ничего не сказала, лишь улыбнулась и пропустила гостей в номер. Халупович вошел первым и по-хозяйски устроился на диване. Дронго сел в кресло, она – напротив. У нее были бархатно-мягкие светло-карие глаза, красивая посадка головы, длинная шея. Тонкие губы, плавная линия подбородка.

– Извини меня, Фариза, – начал Халупович, – уже поздно, но нам нужно поговорить. Мы приехали сюда с моим другом, который хочет с тобой побеседовать. У него необычное имя. Его зовут мистер Дронго.

– Очень приятно, – она не удивилась и ничего не спросила. Просто кивнула, словно Халупович все прошедшие годы только и делал, что находил ее и привозил к ней так поздно своих друзей.

– Дело в том, что у меня неприятности, – пояснил Эдуард Леонидович, – понимаешь, у меня погибла домработница. Как раз в том доме, где ты была.

Она внимательно слушала. Дронго нравилось ее спокойствие. Она не удивилась, не всплеснула руками, не начала перебивать говорившего. Она слушала старого друга, пытаясь понять, почему именно к ней пришли с подобным вопросом. Или ей уже была известна причина их внезапного появления?

– В милиции говорят, что она отравилась. Перепутала и выпила какую-то жидкость, – соврал Халупович, явно нервничая от ее долгого молчания. – Я не знаю, как объяснить ее смерть, поэтому привез частного эксперта. Он беседует со всеми, кто был в тот день у меня дома.

Она все еще молчала.

– Тебя, конечно, никто не обвиняет, – быстро добавил Эдуард Леонидович, – но рано или поздно придется перечислить следователю всех, кто был в тот день в моем доме. И поэтому я хочу, чтобы ты была готова.

– У тебя было много людей в тот день? – наконец спросила она.

– Что? Нет, конечно. Но мой помощник, водитель, домработница – они ко мне приезжали. Поэтому я и взял с собой частного эксперта, чтобы он со всеми поговорил.

– Пожалуйста, – она взглянула на Дронго, – вы и есть частный эксперт?

– Да, – кивнул Дронго, – если разрешите, я задам вам несколько вопросов.

– Конечно, – кивнула она, – можете спрашивать. Я в Москве не была уж лет десять и поэтому помню каждый свой шаг.

Дронго взглянул на Халуповича. Тот понял его взгляд.

– Извините, – поднялся он с дивана, – мне нужно спуститься вниз. У меня еще одна встреча. Я потом тебе позвоню, Фариза. И спасибо, что ты меня понимаешь. До свидания.

Он снова поцеловал ее в щеку. И снова она разрешила ему это сделать, даже не имитируя попытки поцеловать его в ответ. Когда он вышел, она вернулась на свое место.

– Он не изменился, – сказала она, словно извиняясь за его отсутствие, – за столько лет он совсем не изменился.

– Вы давно его знаете? – спросил Дронго.

– Я его вообще не знаю, – вдруг сказала она, – мы были знакомы почти двадцать лет назад и с тех пор не видели друг друга. Честно говоря, я не думала, что когда-нибудь его увижу.

– Вы были удивлены, когда он вас нашел?

– Конечно. Я вообще не представляю, как это оказалось возможно. Он говорил, что послал ко мне своего помощника, тот должен был найти меня через столько лет.

– Вы меняли место жительства?

– Не только, – улыбнулась она, – я вообще несколько лет не жила в Екатеринбурге. Уезжала с геологами на Север. Шесть лет жила в Сибири, потом в Северном Казахстане. Где только не были! Мы вернулись в Екатеринбург только четыре года назад. И он сумел меня найти. Это просто чудо.

– Вы сказали: «мы» вернулись. Вы замужем?

– Да. Мой супруг сейчас на конференции в Минске. Он приедет сюда послезавтра, и мы вместе улетим домой.

– Он не удивился вашему приезду сюда?

– Конечно, удивился. Он не мог понять, почему мой старый знакомый не давал о себе знать столько лет. И я ничего не могла объяснить мужу. Эдуард звонил несколько раз, просил приехать, но я все время ему отказывала. А потом выяснилось, что мужу предстоит поездки в Минск и в Москву. И тогда мы решили, что я могу поехать в столицу. Конечно, мой муж волнуется и звонит мне каждые полчаса. Честно говоря, я не совсем понимаю, зачем меня нашел Эдуард через столько лет. Когда я ехала к нему домой, я очень волновалась. Нет, я, конечно, не боялась, что он меня изнасилует. Но немного беспокоилась. К счастью, все обошлось. Он оказался очень галантным кавалером даже спустя столько лет. Между нами ничего не было. И ничего не могло быть. Я люблю своего мужа и своего сына.

– Сколько лет вашему сыну?

– Семнадцать. Пошел восемнадцатый.

– С Халуповичем вы виделись девятнадцать лет назад.

– Ах вот вы о чем, – она горько улыбнулась. – Я не думала, что вас заинтересует эта история. Но вы напрасно копаетесь в столь далеком прошлом. И напрасно надеетесь найти что-то похожее на дешевую мелодраму. В жизни все гораздо сложнее.

– Не сомневаюсь, – согласился Дронго, – именно поэтому я здесь. Погибла женщина, и прокуратура, которая будет вести расследование тяжкого преступления, обязательно рано или поздно вызовет вас на допрос. Я не хочу, чтобы было поздно. Халуповича могут обвинить в убийстве собственной домработницы. Это большая проблема для вашего бывшего знакомого, даже если вы не хотите ничего мне о нем рассказывать.

– Что я могу рассказать? – пожала она плечами. – Мы виделись с ним всего несколько раз. Он был молодой, красивый, умный, храбрый. Он не рассказывал вам, как мы познакомились? На вокзале я ждала поезд. Ко мне начали приставать двое хулиганов. А Эдуард был со своим другом. И он не раздумывая вмешался, дал одному по морде, потом ударил другого... Они убежали. Такие типы всегда большие трусы, столкнувшись с должным отпором, они отступают. Потом Эдик говорил мне, что он ничего не боялся, потому что рядом с ним был чемпион по боксу, его товарищ. Правда, этот чемпион даже не успел вмешаться. Так я познакомилась с Эдуардом. Мы встречались несколько месяцев. Потом немного остыли, потом поссорились. Все, как бывает у молодых людей. Он работал на каком-то закрытом объекте, их тогда называли «почтовыми ящиками». Конечно, он не мог дать мне свой телефон. И получалось, что я иногда

сутками ждала, когда он наконец мне позвонит. Это сказывалось на наших отношениях. Потом его куда-то перевели. Он мне еще звонил по привычке несколько раз, но мы оба понимали, что все кончено.

– Я хочу задать вам интимный вопрос. Извините, если он покажется вам бестактным.

– Ничего. Я взрослая женщина. Так какой у вас вопрос?

– Он был вашим первым мужчиной?

Она вздрогнула. Потом посмотрела на Дронго и быстро спросила:

– Это он вам сказал?

– Нет, – соврал Дронго, – но мой вопрос вполне логичен. Посмотрите на себя в зеркало. Вам не больше тридцати пяти. А встречались с Халуповичем вы девятнадцать лет назад. Логично было сделать такое предположение.

– Не льстите, – поморщилась она, – мне уже почти сорок. Обычно женщины не отвечают на подобные вопросы. Но мне нечего скрывать. Да, он был моим первым мужчиной.

– И как только он уехал, вы вышли замуж?

– Вы все время возвращаетесь к этому вопросу. Мой муж не имеет никакого отношения к нашей истории. Я вышла замуж через два года после этого. Мой муж геолог, как и я. По распределению я попала в Курган. Там мы познакомились с моим мужем и через несколько месяцев поженились. Потом у нас родился сын. Если вас интересуют сроки, то это случилось более чем через два года после нашей последней встречи с Эдуардом. Он никак не может быть отцом моего сына. Я понимаю, что вас несколько разочарую. Вы, наверное, уже выстроили такую теорию. Я была брошена Халуповичем и явилась сюда спустя много лет, чтобы ему отомстить. Но я не хотела приезжать, можете узнать об этом у Эдуарда.

– И тем не менее вы согласились. А почему вы уехали из своего города? Неужели в области не нужны были геологи и вам было необходимо переехать в Курган?

– У нас было распределение, – сухо сказала она.

– Вы единственная дочь в семье?

– Нет, у меня есть еще старший брат. Он окончил Высшую школу милиции, работает в уголовном розыске.

– Так почему вы уехали в Курган? И почему вернулись четыре года назад в свой родной город? Опять было «распределение»?

– Нет, – тихо ответила она, – дело в том, что мы земляки. Мой муж и я. Мы оба из одного города.

– Но вы сохранили свою фамилию?

– Нужно было менять много документов, и я не стала этого делать. Кроме того, мой муж известный геолог, директор института, и я не хотела, чтобы все об этом знали. Я защищала докторскую диссертацию в Санкт-Петербурге, и многие не подозревали, что в зале сидел мой супруг. Так было удобнее.

– Как его фамилия?

– Это нужно для следствия?

– Да.

– Хизматулин. Зульфикар Хизматулин. Он татарин. Его семья жила в Екатеринбурге еще в прошлом веке. Он профессор, член-корреспондент Академии наук.

– Вы не ответили, почему переехали в Курган.

– Я сказала, что получила распределение, – возразила она.

– Это не ответ. Вы могли вернуться через три года, если бы захотели, тем более что вы с мужем были из одного города.

– Что вы от меня хотите?

– Правду. Извините меня, Фариза, но ваш ответ показался мне неубедительным.

– Может быть, – согласилась она, потом вздохнула. – Я сама попросилась в Курган. Вы правы. Мне не хотелось оставаться в своем городе.

– Я могу узнать, почему?

– Можете. Меня хотели выдать замуж. За сына знакомого нашей семьи. Я, естественно, отказывалась. Дело дошло до семейного скандала, и мне пришлось демонстративно отказаться. А потом я уехала.

– Получается, что встреча с Халуповичем сломала вашу жизнь?

– Я так не считаю. Уехав в Курган, я познакомилась с моим будущим мужем. У нас прекрасный сын. Наоборот, я очень благодарна Эдуарду за все, что произошло.

– Ваша семья тоже так считает?

– Нет. Они считали, что я опозорила семью. Конечно, они были очень недовольны. Мама у меня серьезно заболела, все никак не могла примириться с мыслью, что дочь уехала из родного дома. В общем, случилось то, что случилось. Поэтому я была немного удивлена, когда меня нашел Эдуард. Я думала, что он давно меня забыл.

– Как видите, не забыл. Скажите, Фариза, когда вы были у него дома, вы не заметили ничего необычного?

– Нет. Мне понравился его дом. Хорошая квартира в центре города. Очень уютно. Нет, я ничего не заметила, хотя на кухне обратила внимание на открытую бутылку шампанского и два бокала. Очевидно, у него были гости до меня.

– Вы были на кухне?

– Да. Я прошла туда, когда мы уезжали, чтобы помыть бокалы. Чисто женская привычка. Он, правда, отнял их у меня и сказал, что у него есть кому убирать. А потом он проводил меня до машины, но сам не поехал. Извинился и сказал, что у него много дел. Я так и не поняла, зачем он меня нашел.

– И он не попытался вам объяснить?

– Конечно, пытался. Рассказал, что решил собрать в Москве женщин, которые сыграли в его жизни определенную роль. Странно, что он меня помнил. Но вообще-то немного обидно, что я всего лишь одна из его женщин. Это всегда не очень приятно. Правда, он не стал уточнять, сколько у него было таких женщин. Две, три или больше. В любом случае я сказала, что мне неинтересно встречаться с другими женщинами. И сказала, что очень благодарна ему за вызов в Москву. Вот и все. Отель, конечно, очень дорогой, и я хотела отсюда переехать в другую гостиницу, чтобы самой оплатить проживание. Но мне сказали, что за номер заплатила какая-то компания. Это тем более странно. Эдуард уговорил меня здесь остаться, и я решила подождать мужа. Потом, конечно, мы уедем. Вот и все мои тайны. Вам нужно еще что-нибудь или на сегодня хватит?

– Конечно, хватит, – улыбнулся Дронго. – Где учится ваш сын?

– А где он еще может учиться? Конечно, решил стать геологом, учится на первом курсе.

– Спасибо. – Он поднялся. – Вы не помните водителя, который вас отвозил?

– Нет, не помню. Я не обратила на него внимания. Кажется, ему было лет сорок. Или пятьдесят. Мы недолго ехали. От дома Эдуарда до нашей гостиницы минут десять езды. Хотя я Москву знаю плохо. У мужа много друзей в столице, но я решила защищаться в Санкт-Петербурге. И думаю, что поступила верно.

– Вы потом никуда не выходили? – уточнил Дронго.

– Немного погуляла около отеля.

– А номер мобильного телефона Халуповича у вас есть?

– Он мне дал, но я не помню, куда положила. Хотите, чтобы я его нашла?

– Нет, не хочу. Спасибо за откровенную беседу. И успехов вам.

Он пожал ей на прощание руку и вышел из номера. Спустившись вниз, он обнаружил, что Халуповича нигде нет. Он поискал его в холле, затем прошел в бар.

«Куда он мог деться?» – недовольно подумал Дронго и в этот момент увидел идущего к нему с немного виноватым видом Халуповича.

– Извините меня, – сказал тот, – мне позвонил следователь прокуратуры. Странно, что они работают в такое позднее время. Какая-то соседка обратила внимание на приезжавших ко мне женщин. Он спрашивал, кто именно у меня был. Я выкручивался как мог, сказал, что соседка перепутала, наверно, приняла домработницу за мою знакомую. Он обещал завтра все перепроверить. У меня очень мало времени. Рассказывать о женщинах я не могу и не хочу. Да никто и не поверит. Что делать, даже не знаю.

– Вы вызвали водителя и помощника, как я просил?

– Конечно, вызвал. Они сидят в машине у дома. Ждут, когда мы приедем.

– А куда вы исчезли?

– Я же не могу со следователем прокуратуры разговаривать здесь, – показал на холл отеля Халупович, – я часто бываю в таких местах. Зачем им знать о моих проблемах? Пришлось уйти в туалет. Заодно там можно и покурить. Сейчас все помешаны на антитабачной кампании, и ни в одной гостинице нельзя курить в холле.

– «Богатые тоже плачут», – пошутил Дронго. – У бизнесменов свои проблемы?

– Да, – кивнул Халупович, чуть улыбнувшись, он оценил шутку. – На самом деле, мы тоже своего рода каста неприкасаемых. Все про всех знают. Всем известно, кого поддерживает та или иная преступная группировка, кто из политиков стоит за конкретной финансовой группой или, наоборот, взят на ее содержание. Это журналисты иногда пишут чушь, ничего не зная о конкретных мотивах поступков многих банкиров и коммерсантов.

– У каждой группы людей есть своя профессиональная кухня, – согласился Дронго.

Они вышли на улицу. Шел дождь. Когда они сели в салон автомобиля, Халупович неожиданно наклонился к Дронго и тихо сказал:

– Может, я ошибся? Может, не нужно было их сюда приглашать? Может, действительно нельзя ворошить прошлое?

– Не знаю, – признался Дронго, – иногда, наверное, нельзя. Это не всегда связано с приятными эмоциями. Некоторые наши поступки подчас оказывают влияние на всю последующую жизнь. И на нашу, и на жизнь окружающих нас людей.

Глава пятая

Через пятнадцать минут они подъехали к дому Халуповича. Дождь усиливался, и, когда они вышли из машины, к ним поспешили двое, очевидно, ждавшие в одном из припаркованных автомобилей.

– Здравствуйте, Эдуард Леонидович, – сказал один из них.

Это был мужчина немного ниже среднего роста с подвижным круглым лицом. На нем была темная кепка и длинный плащ. Второй был одет в теплую кожаную куртку. Ему было под пятьдесят. Он был высокого роста, с тронутыми сединой волосами. Второй мужчина вежливо поздоровался, но больше ничего не сказал.

– Идемте домой, – коротко приказал Халупович, – мой знакомый хочет с вами поговорить. Только быстрее, иначе нам придется отжимать свое белье. Под таким дождем лучше не стоять.

Они поспешили к подъезду. Халупович набрал номер кода, и они вошли в дом. Поднявшись в лифте на седьмой этаж, они вышли на площадку перед квартирой Халуповича. Дронго обратил внимание, как сильно грохочет кабина лифта. Эдуард Леонидович достал ключи, чтобы отпереть дверь. Дронго заметил свежую заплатку, наложенную на металлическую дверь. Очевидно, прежде чем открыть дверь, здесь пытались выбить замок. В квартире уже никого не было, но еще сохранялся запах потных тел, сигаретного дыма и присутствия посторонних людей. Халупович поморщился.

– Идите в столовую, – предложил он своим гостям, – я открою окно. Михаил, помоги мне приготовить кофе.

Водитель повесил куртку на вешалку и прошел на кухню. Помощник снял свой длинный плащ и оказался еще ниже ростом, чем можно было предположить.

– Савелий Николаевич, – представился он, – Трошкин.

– Это господин Дронго, – назвал своего гостя Халупович, – вы пока побеседуйте в столовой, а мы приготовим кофе.

– Может, я сделаю кофе? – предложил Трошкин.

– Нет. Господин Дронго хочет с тобой побеседовать. Поэтому вы идите в столовую, а мы с Мишей пройдем на кухню, чтобы вам не мешать, – распорядился Халупович. Видимо, он был требовательным начальником. Приказы он отдал спокойным, ровным голосом, не терпящим возражений. Трошкин чувствовал себя в квартире не очень уверенно. Водитель же, напротив, молчал, сознавая свое превосходство. Он, очевидно, чаще бывал в этом доме.

– Я хотел бы сначала осмотреть квартиру, – попросил Дронго.

– Пожалуйста, – разрешил Халупович, – Трошкин вам все покажет. Посмотрите, а я пока вымою руки.

Дронго начал осмотр квартиры. Она была небольшая, метров пятьдесят-шестьдесят, и главная роль отводилась здесь столовой. Две другие комнаты были маленькими, не больше пятнадцати-шестнадцати метров. Раньше подобные квартиры считались элитными и выдавались лишь высокопоставленным чиновникам, заслужившим подобную льготную жилплощадь в центре столицы. Спустя почти десять лет после развала страны такие квартиры казались смешными для большинства современных политиков и чиновников. Они теперь покупали виллы в южных странах и возводили себе трехэтажные дома за городом. Но для интимных встреч квартира подходила как нельзя лучше. Дронго обратил внимание на вкус хозяина. Повсюду стояла добротная итальянская мебель, висели очень интересные работы современных московских художников. В спальне были зеркальный потолок и зеркальный шкаф, очевидно, для того, чтобы хозяин квартиры мог наблюдать за собой из любой точки. В спальне стояла огромная кровать размером два на три метра, накрытая покрывалом от «Луизы Ашлей». Очевидно,

именно такая кровать подходила Халуповичу для его интимных забав. Трошкин в спальню не вошел, он замер на пороге, не решаясь его переступить.

В кабинете было довольно много книг, если учесть, что хозяин здесь бывал не часто. Письменный стол, диван, два кресла. В столовой стояла тяжелая резная итальянская мебель. Дронго никогда не нравилась мебель в стиле «Технополиса», и подобная обстановка отвечала его вкусам. Тяжелые темные занавески, жалюзи на окнах и двух балконах, резная мебель, массивные стулья и кресла. Здесь сразу можно было почувствовать, что хозяин квартиры достаточно обеспеченный человек.

«Может, так и должно было случиться?» – подумал Дронго. Ведь это было ненормально, когда квартиры выдавались чиновникам в награду за успешную службу, а не покупались ими на свою зарплату, как это делается во всем мире. Может, изменения, случившиеся в последние годы, были неизбежными и позволили людям жить лучше? Может, он не совсем прав, когда с такой ностальгией вспоминает свою бывшую страну, потерянную им навсегда. Но, с другой стороны, он как никто другой знает, кто именно получил все блага. Случай с Халуповичем еще не самый худший. Этот бизнесмен достаточно «честно» заработал свои деньги. Девяносто девять процентов богатых людей стали таковыми только потому, что смогли в решающий момент перевести государственную собственность на свое имя, то есть, попросту говоря, украсть не принадлежавшие им деньги. Либо использовать свое влияние, чтобы приватизировать огромное достояние некогда богатой страны. «Нет, – вздохнул Дронго, проходя на кухню, – такого развала и воровства можно было избежать. Впрочем, сейчас не стоит об этом думать. Что произошло, то произошло».

Он прошел на кухню. Встроенная итальянская мебель светло-коричневого цвета, очевидно, была выполнена по индивидуальному дизайну. «Плавные линии, мягкие приглушенные тона. Возможно, здесь работал неплохой профессионал», – подумал Дронго.

– Здесь все и случилось, – негромко произнес Халупович, входя на кухню следом за ними.

– Где стояла бутылка? – уточнил Дронго.

Он обратил внимание на пустой ящик из-под бутылок с минеральной водой, стоявший у холодильника. На ящике была характерная картинка французской «Эвиан»: высокие остроконечные горы, запорошенные снегом.

– На столике у плиты, – показал Халупович, – там обычно стоит газированная минеральная вода и бутылка негазированной. Бутылка, из которой пила несчастная женщина, стояла рядом с бутылкой «Перье». Обе бутылки были открыты. «Перье» тоже забрали следователи, решили проверить содержимое обеих. Это другой ящик, – показал на пустой ящик Халупович. – Тот, из которого появилась эта проклятая бутылка, тоже унесли следователи.

– А почему решили, что она выпила именно «Эвиан»?

– Бутылка стояла открытая, а у нее в руках был стакан, с ним она и упала на пол. Ужасная картина, просто ужасная, – вздохнул Халупович.

– Как ее звали? – спросил Дронго.

– Кого? – не сразу понял Халупович. – Ах да. Елизавета Матвеевна. Ей было только пятьдесят девять лет. Как все глупо получилось. Я думаю, нужно проверить магазин, где мы брали эти бутылки. Она же не могла сама себя отравить.

– Квартира была заперта изнутри?

– В том-то и дело. Она была дома одна, и никто не выходил, если вы думаете, что отсюда ушел убийца.

– Я этого не говорил.

– А на балконах были опущены жалюзи, – добавил Халупович.

– Я уже понял, что с балкона к вам нельзя залезть, – кивнул Дронго. – Остальные бутылки из ящика тоже забрали сотрудники прокуратуры?

– Да. Это я им предложил. Хотя на самом деле я понимаю, что это глупо. Вода «Эвиан» покупается во всем мире, и ее марка так же известна, как «Мерседес» или «Боинг». Дело в том, что я уходил последним из квартиры перед тем, как поехать в аэропорт. И она закрыла за мной дверь. А когда я вернулся, она была мертва. Значит, логично предположить, что именно я ее и отравил. Тогда у меня вопрос: зачем мне это нужно? Или я претендовал на ее каморку в Мытищах? Или она обещала оставить мне свое наследство?

– Откуда вы знаете, где она живет? Вы к ней ездили?

– Не нужно меня ловить на слове. Естественно, не ездил. Но я обычно знаю, где именно живут мои работники. Кроме того, иногда она задерживалась допоздна, и мои водители отвозили ее домой. Миша хорошо знает, где она жила. Он ее часто отвозил. Кстати, он забрал ребенка из ее квартиры и перевез к нам.

– Куда это к вам?

– К моей секретарше. Я же не мог оставить девочку одну, она пропадет. Поэтому я поручил Нине за ней последить. Нина – моя секретарша, – пояснил Халупович. – Я считаю себя в какой-то мере ответственным за случившееся.

– Мне нужно будет поговорить и с вашей секретаршей.

– Конечно. Но только завтра. Сегодня уже слишком поздно.

– Разумеется.

Дронго пошел в столовую. Там уже расположился Савелий Николаевич.

– Садитесь, – показал Трошкин на красные кресла из натуральной кожи. Он чувствовал себя здесь почти как хозяин.

Дронго сел в кресло, а его собеседник устроился на диване, дипломатично оставив второе кресло для хозяина квартиры.

– Вы здесь раньше бывали? – спросил Дронго.

– Конечно, – удивился Трошкин, – я здесь бывал несколько раз. Привозил срочные бумаги, пакеты. А почему вы спрашиваете?

– Он давал вам ключи от квартиры?

– Нет, не давал. А я никогда не просил. Это не в моих правилах. Я делаю только ту работу, которую мне поручают. И никогда не вмешиваюсь в дела своего шефа, – с достоинством сообщил Трошкин.

– Похвально, – согласился Дронго, – тогда давайте немного поговорим о вашей работе. Вы знали, что Эдуард Леонидович разыскивает трех женщин, с которыми он раньше встречался? Ищет, чтобы вызвать в Москву?

– Конечно, знал, – кивнул Трошкин, – я даже выезжал в Екатеринбург, чтобы найти Мамаджанову.

– Вот как раз с нее и начнем. Как вы ее нашли? Она ведь поменяла адрес и вообще несколько лет не жила в городе.

– Да, она недавно приехала, но найти было несложно. Хотя пришлось побегать. Эдуард Леонидович не помнил точного адреса и сказал мне его по памяти. Оказалось, он перепутал номер дома. Я обошел всю улицу и наконец нашел их бывшую квартиру. Но выяснилось, что там никто не живет. Пришлось искать, куда они переехали. Соседи вспомнили, что она вообще уехала из Екатеринбурга с мужем и больше здесь не живет. Мать умерла лет пятнадцать, а отец лет десять назад. Словом, никаких следов. Наконец один из соседей вспомнил, что ее брат работает в милиции. Мне пришлось отправиться в УВД города и найти ее брата. Хорошо, что я знал фамилию. Через него мне и удалось выйти на Фаризу Мамаджанову.

– Кем работает брат?

– Оперативным сотрудником. Кажется, заместителем начальника отдела. Он подполковник милиции. От него я и узнал, где именно живет его сестра. Хотя он сначала не хотел давать мне ее адрес. Пришлось долго его уговаривать, придумывать невероятные истории. Потом

были проблемы и с ней. Она отказывалась ехать в Москву. Говорила, что не разрешает ее муж, – Трошкин чуть сморщил свой круглый нос кнопочкой, – странно, что в ее возрасте муж еще ревнует. Вместо того чтобы радоваться, что его жену помнят спустя столько лет.

– У людей разные представления о жизни, – иронично усмехнулся Дронго, – а с ней самой вы разговаривали?

– Несколько раз. Я провел две недели в Екатеринбурге, уже знал там каждую собаку. А она все не соглашалась ехать. Я уж не знал, как объяснить Эдуарду Леонидовичу причину ее отказа. Потом выяснилось, что ее муж летит в Минск, и она согласилась приехать в Москву. Но без особого энтузиазма. Из-за нее мы немного передвинули сроки и остальным.

– К остальным вы тоже летали?

– К счастью, нет. Элгу Руммо мы сразу нашли. Они сохранили за собой квартиру. Таллин – типично европейский город, там все на учете, потеряться невозможно. Поэтому мы сразу ее нашли. И она сразу согласилась. Были проблемы с визой, конечно. Пришлось организовывать приглашение, звонить в наше посольство в Эстонии. Но, в общем, особых проблем не было.

– А с третьей женщиной?

– Она вообще мечта, – улыбнулся Трошкин, – люблю таких. Бесконфликтная, все понимающая, смелая, энергичная. Сначала она меня подробно расспросила, прямо как настоящий следователь. И тут же согласилась. Но уточнила, что жить будет не в отеле «Мэрриот», где для нее был заказан номер, а у своей сестры. С ней вообще не было никаких проблем. С Украиной у нас, слава богу, еще не ввели визы, и приехать из Киева не проблема. Конечно, если не ехать поездом, где таможенники и пограничники шарят в ваших вещах, а цивилизованно прилететь самолетом.

– Вы их встречали?

– Кроме Элги. Ее встречал Миша. А я остальных.

– Ничего необычного не заметили?

– Нет. Мамаджановой явно понравилась Москва, особенно центр города, она давно здесь не была. Оксана Григорьевна сидела, равнодушно глядя в окно, и ни о чем не спрашивала.

– А где живет ее сестра?

– Недалеко от Курского вокзала.

Дронго подумал, что уже забыл этот район. Когда-то давно, в другой жизни, поезда из Баку приходили на Курский вокзал. Его отец не любил летать самолетами, а предпочитал ездить в Москву в поездах дальнего следования, в вагонах СВ. И с детских лет Дронго привык к этим неповторимым запахам городских железнодорожных вокзалов. Путешествовать всегда было интересно. Поезда проходили по Северному Кавказу, где можно было купить малосольные огурчики, яблоки, теплый хлеб, искусно приготовленную утку или курицу, отварной золотистый картофель. Про взрывы на вокзалах тогда не слышали. Единственная неприятность, которая могла случиться с пассажиром, – это если он отстал от поезда. Но всегда можно было рассчитывать на соседей, которые не травили тогда пассажиров клофелином, исчезая с их вещами, а присматривали за чемоданами соседа, пока отставший пассажир догонял поезд. Это было чудесное время всеобщей стабильности, когда два дня путешествия в поезде превращались в удивительное приключение, а за окнами мелькали разнообразные пейзажи – от донских степей до подмосковных лесов, от выжженной солнцем земли вокруг южных поселков до холмов и вершин Кавказа. Но все это было в прежней жизни. В последний раз Дронго путешествовал подобным образом в восемьдесят девятом году. Но уже тогда в поезда летели камни и осколки разбивающихся стекол ранили пассажиров. Про путешествие в канун миллениума не приходилось даже мечтать. Молодые мужчины попадали под подозрение сначала московской милиции, придирчиво проверявшей всех пассажиров на предмет регистрации и прописки, затем поезд шел по территории Украины, где всех мужчин в возрасте до пятидесяти лет проверяли особенно тщательно. Затем в районе Ростова можно было ожидать проверок

«добровольцев», которые с особой придирчивостью относились к незнакомцам. Поезда шли в обход Чечни, и дагестанская милиция тоже не особенно церемонилась с пассажирами мужского пола, подозревая в каждом из них возможного террориста. Наконец, нужно было пройти российско-азербайджанскую границу, не вызвав подозрения ни у первой стороны, ни у второй.

Фантазмагория случившегося стала бы ясной, если бы люди, развалившие страну, попробовали хотя бы раз совершить подобное путешествие. Но их подобные проблемы не волновали. У обычных же пассажиров были реальные шансы не доехать до пункта назначения, оказавшись избитыми, ограбленными в пути. И это был еще не худший вариант, так как они могли оказаться рядом с заложеной бомбой, которая имеет удивительно пакостное свойство взрываться в самый неподходящий момент.

– Курский вокзал, – задумчиво сказал Дронго.

– Что? – не понял Трошкин. – Вы что-то спросили?

– Ничего. Кем работает ее сестра? Она замужем?

– Я узнавал, – сообщил Савелий Николаевич, – муж ее сестры – крупный чиновник в нашем Министерстве транспорта. Кажется, начальник отдела. Он украинец, как и его жена.

– Это вы тоже узнали? – улыбнулся Дронго.

– Она назвала фамилию сестры, и я сразу понял, – кивнул Трошкин, – а к украинцам я хорошо отношусь, – почему-то осторожно добавил он, – у меня сестра живет в Харькове, и у нее муж украинец.

– Убедили, – сказал Дронго. – А в аэропорт вы вместе ездили? В ночь, когда случилось убийство.

– Вместе, – быстро ответил Трошкин, – но мы ждали его в аэропорту. Я приехал туда на своей машине, а он был с водителем.

– Он был взволнован? Вы не обратили внимания, как себя чувствовал Халупович?

Трошкин обернулся, посмотрел в сторону кухни и шепотом спросил:

– Неужели вы думаете, что я буду давать показания против своего начальника?

– У вас есть что скрывать? – также шепотом вопросом на вопрос ответил Дронго, скрывая усмешку.

– Нет, – громко ответил Савелий Николаевич, поняв, что Дронго просто смеется. – Конечно, нет. Мы встретили наших гостей и уехали из аэропорта. Я повез их в отели.

– Вы сказали «наших гостей». Он был не один?

– Их было двое. Мы уже заказали номера в отелях. Бедный Эдуард Леонидович думал закончить все за один день. А ему пришлось давать показания сотрудникам прокуратуры. Нельзя же объяснить нашим партнерам из Германии, что случилось. Они сразу свернут всякий бизнес. Их так напугали рассказами о русской мафии, что они готовы поверить в любую чушь. Поэтому мы им ничего не сообщили. Переговоры уже закончились, и наши гости завтра улетают. Нам пришлось готовить документы без Эдуарда Леонидовича, руководствуясь его указаниями. Он, конечно, приехал сегодня на подписание документов, но это было совсем не так, как мы планировали. Хотя контракт мы подписали неплохой.

– Скажите, Трошкин, вы давно работаете с Эдуардом Леонидовичем?

– Уже несколько лет.

– И он всегда был таким... «любвеобильным»?

Трошкин испуганно обернулся в сторону кухни.

– Я спрашиваю не для «клубнички», – строго напомнил Дронго, – мне нужно знать все обстоятельства дела, чтобы сделать правильные выводы.

– Все мужчины любят женщин, – философски изрек Савелий Николаевич, затем вздохнул и кивнул: – Он тоже их любит. Иногда слишком сильно. А многие мерзавки этим пользуются. Вытягивают из него деньги на такси, на ужины, на разные побрякушки.

– Не любите вы женщин, Савелий Николаевич, – укоризненно заметил Дронго.

– Не люблю, – согласился Трошкин, – а за что их любить? Немного попой повертят – и сразу миллион хотят. Каждая мечтает о своем мужике. И чтобы богатый был, и с отдельной жилплощадью. Чтобы деньги имел и внешность Алена Делона.

– Это зависит от количества денег, – возразил Дронго, – если сумма зашкаливает за предельные цифры, то согласятся поменять и Алена Делона. Однако мы говорим лишь о специфической категории людей. Большинство мужчин любит женщин глазами, и им важны их внешние данные, тогда как женщина хочет обеспечить не только себя, но и своих детей.

– Мать – это святое, – согласился Трошкин. – Но где сейчас такие женщины? Одна дрянь осталась. Всех нормальных давно разобрали. Остались такие – стоит Эдуарду Леонидовичу только пальцем поманить, сразу прибегут.

– Не все, – возразил Дронго. – Почему, например, Мамаджанова не хотела ехать? Чем она объясняла свой отказ?

– Обычный женский каприз. Не хотела – и все. А может, дело в ее муже. Есть ревнивцы, которые подозревают своих жен до глубокой старости. Может, нам попался именно такой экземпляр.

– И вы думаете, что нельзя ревновать свою сорокалетнюю жену? – поинтересовался Дронго.

– Не знаю. Мне казалась смешной такая преувеличенная забота, – признался Трошкин. – Сам я не женат. Но если бы даже женился, то и тогда не стал бы так трястись за свою жену. Хочет – пусть едет. Изменить мужу она может и в своем родном городе.

– Сколько вам лет?

– Тридцать восемь, – с достоинством сообщил Трошкин. – Я вообще полагаю, что с этим спешить не нужно. Мы живем с мамой. Сначала нужно встать на ноги, собрать достаточный капитал. Наши прадеды женились в сорок лет и не видели в этом ничего плохого.

– Боюсь, что наши прадеды в таком возрасте уже умирали, – пробормотал Дронго, и в этот момент в столовую вошел Халупович. За ним шел Миша с подносом в руках.

– Мы сейчас выйдем, чтобы вам не мешать, – предупредил Эдуард Леонидович.

– Не нужно, – разрешил Дронго, – мы закончили наш разговор. Мне сейчас нужен для беседы ваш водитель.

– А мне удалиться? – спросил понятливый Халупович.

– Если можно, – попросил Дронго, – боюсь, ваше присутствие будет его несколько сковывать.

– Ясно. Савелий, пойдем в кабинет, еще раз прогоним наш контракт на компьютере. А ты, Миша, оставайся здесь. Будешь отвечать на вопросы, которые тебе зададут, – предложил Халупович, первым выходя из столовой. Трошкин поднялся и поспешил следом.

Глава шестая

Миша поставил поднос на столик и осторожно присел на краешек стула. Чувствовалось, что он нервничает. Ему было около пятидесяти лет, но выглядел он гораздо моложе. Снял куртку, он остался в джемпере и темных брюках. Обувь он снял при входе и теперь был в тапочках, которые ему, очевидно, дал хозяин квартиры. Дронго взглянул на поднос. Бутылка минеральной воды, две бутылки пива, бутылка пепси-колы и несколько стаканов. Все бутылки были закрыты, похоже, хозяин квартиры уже никому не доверял.

– Извините, – начал Дронго, – как мне к вам обращаться? По имени-отчеству или...

– Можете называть просто Мишей, – разрешил водитель.

– Скажите, Миша, вы давно работаете с Эдуардом Леонидовичем?

– Да, – кивнул водитель, – уже шесть или семь лет.

– Вы его хорошо знаете?

– Работаем вместе, – просто ответил водитель.

– Вы раньше бывали в этой квартире?

– Да, – кивнул Миша, – Эдуард Леонидович иногда давал мне ключи, чтобы я привез сюда воду или продукты.

– Странно, – вслух произнес Дронго, – мне он сказал, что никому не давал ключи от этой квартиры.

– Он и мне не давал, – пояснил водитель, – иногда приезжали вместе, и ему неохота было подниматься наверх. Тогда он мне ключи отдавал и я нес продукты на кухню.

– Значит, и воду тоже вы покупали и относили на кухню?

– Привозил, – вздохнул Миша, – меня уже допрашивали в прокуратуре. Но я покупал, как обычно, ящик в супермаркете. Я ведь его не открываю. Только приношу и оставляю на кухне. А что там внутри, откуда мне знать.

– Вы хорошо знали умершую?

– Елизавету Матвеевну? Конечно, знал. Добрая женщина была, царство ей небесное. Одна внучку растила. На трех или четырех работах крутилась, чтобы у Тани, ее внучки, все было как у людей. Ведь дочь ее уехала еще полтора года назад.

– Эдуард Леонидович сообщил мне, что ее дочь уехала в Югославию.

– Ну да, наверное, туда. А может, и не туда. Может, в Турцию какую-нибудь или в Африку. Много сейчас наших девочек там околачивается.

– Она поехала на заработки?

– Да какие там заработки? В баре работать завербовалась. Знаем мы эту работу в баре. Сначала водку наливает, а потом ее клиенты щупают. А что делать? Молодая женщина одна была, без поддержки и без мужика. Что ей оставалось? На Тверскую выходить, мужиков с «тачками» искать?

– Подождите, – чуть поморщился Дронго. Ему всегда не нравились подобные жаргонные выражения, – почему на Тверскую? У нее не было работы?

– А у кого она была? – спросил Миша. – Нам еще повезло после дефолта девяносто восьмого, когда половину наших ребят пришлось уволить. И никто не винил Эдуарда Леонидовича, все видели, в каком мы дерьме оказались. А она работу еще раньше потеряла. И после августа уже ничего найти не могла. Несколько месяцев туда-сюда тыкалась. Если на работу берут официанткой или уборщицей, значит, нужно сначала с начальником переспать, да еще сносить его оскорбления и приставания. Работать весь день и получать гроши. У нее уже дочь росла. Да и совестно ей было на шее у матери сидеть. Сначала пробовала заработать, как остальные. Даже появился у нее постоянный клиент, с машиной, похожей на авто Егора. Но ничего из этого не получилось. Не знаю, почему. То ли характер она свой показала, то ли ему нужна была

гладкая баба для забавы, только их отношения быстро закончились. Вот она и завербовалась куда подальше. А ребенка, значит, у матери оставила.

– Кто был ее мужем?

– Не знаю, – пожал плечами Миша, – у меня знакомый в Мытищах живет. Мы с ним еще на такси вместе работали. Он мне о них немного рассказывал. А кто муж и почему бросил – не знаю. Известное дело – мужик только брюками потрясет, а баба уже с пузом ходит.

– Значит, это вы рекомендовали погибшую на работу в доме?

– Выходит, что я, – согласился Миша, – она работала много. Я же говорю, они соседи моего кореша. Живут на первом этаже. Вот я и решил сказать про нее Эдуарду Леонидовичу. Прежняя домработница уволилась, куда-то уехала, он и взял Елизавету. Хорошая она женщина была.

– Вы знали, что на этой квартире Эдуард Леонидович иногда проводит конфиденциальные встречи?

– Какие встречи?

– Личные, – поправился Дронго.

– Конечно, знаю, – улыбнулся Миша, – мы девочек часто сюда возили. Он заказывает, значит, сколько ему нужно. А мы привозим. И почему нет? Мужик он еще молодой. Жена все время в Европах сидит с дочкой, которая там учится. Наведывается в Москву, как в командировку, два раза в месяц. Ну и потянуло его на это дело. Все правильно.

– Женщин вы привозили сюда? Я имею в виду из отелей?

– Да. Мы привозили.

Миша вздохнул, обернулся в сторону кабинета, откуда доносились голоса его хозяина и Трошкина – они что-то обсуждали. Потом добавил:

– Меня Эдуард Леонидович предупредил, чтобы я вам все рассказывал. Ничего не скрывая. Поэтому спрашивайте, что хотите. Я вам отвечу.

– Вот я и спрашиваю. Насчет женщин.

– Я возил, – сказал Миша с таким видом, словно признавался в совершении убийства, – в прокуратуре я ничего не сказал. Зачем им копать в наших делах. А дамочки солидные были. На полчаса приезжали и уезжали. Видно было, что по делу, а не для баловства.

– Вы это видели по их лицам? – уточнил, скрывая улыбку, Дронго.

– Нет, не по лицам. Сразу видно, когда идет фактурная женщина. Одежда другая, поворот головы, разговаривает иначе. Мы ведь таксисты, у нас глаз наметанный. Правда, иногда ошибаюсь. Однажды в свою машину взял я дамочку. Субтильная такая, по-иностранному кудахта, дорогими духами от нее несет. Ну, думаю, иностранка. Она мне адрес дала – где-то в Измайлове, мы туда и поехали. А там нас ждет молодой человек лет тридцати пяти. Увидели они друг друга, бросились на шею, плачут, кричат, обнимаются. А потом она мне дает сто рублей и просит, чтобы я их оставил одних. Конечно, не положено, но я согласился. Поставил машину в парке, а сам за поворот прошел, чтобы видеть свою «Волгу». Мало ли что. Хотя раньше такого беспредела не было. Ну и разглядел я со своего поста, что, значит, они там этим делом занимаются. Я прямо обалдел. Иностранка, а так себя позорит. Потом этот парень ушел, а я ее повез в отель. Она все торопилась, показывала мне на часы. Я думал, не заплатит, когда приедем, но она, уходя, сунула мне еще полтинник. По тем временам большие деньги были. Вот с тех пор я и начал к дамочкам приглядываться.

– Судя по деньгам, это было еще в советское время? – улыбнулся Дронго.

– Да. В восемьдесят третьем, – ответил Миша.

– А вы не подумали, что эта иностранка не могла тогда привести в гостиницу своего гостя? И встречаться с ним не могла. Может, у них это было единственное место и единственное свидание. Тем более что она торопилась в отель. Такое вы исключаете?

– Да нет, я все понимал. Время было такое. Но сейчас оно другое. И дамочкам нечего опасаться.

– У вас целая философия. Так кого вы привезли первой?

– Из «Националя» привез. Такая фактурная блондинка. По-русски с сильным прибалтийским акцентом говорила.

– Долго она была здесь?

– Нет. Минут двадцать-тридцать. И сразу они вышли.

– Что было потом?

– Потом мы ее оставили и за другой поехали. Она в «Метрополе» жила. Тоже нездешняя. Таджичка, наверно. По лицу видно, что не наша. Но по-русски лучше меня говорила. Хотя она только несколько слов сказала, когда мы ехали на квартиру. И все время оборачивалась, словно боялась, что за нами следить будут. Вот дамочки какие бывают. Сама в Москву на халяву приехала и еще мужа боится.

– А обратно?

– Обратно все время молчала. Только «спасибо» сказала, когда я ее привез, и пошла в гостиницу. Эдуард Леонидович не смог сам ее проводить, меня попросил.

– А третья женщина? – спросил Дронго.

– Какая – третья? – не понял водитель. – Я никого больше не возил. Стоял у дома и ждал, когда выйдет Эдуард Леонидович. Хотя он тоже вышел с новой дамочкой, которую я раньше не видел. Она была в темном пальто. Они немного поговорили у машины, и дамочка ушла. И мы вместе с Эдуардом Леонидовичем поехали в аэропорт.

– Как он выглядел?

– Как обычно. Настроение хорошее было, музыку включил.

– В аэропорту вас ждал Трошкин?

– Да. Он раньше нас туда приехал. Мы иностранцев встретили, Трошкин их повез в город, а мы сюда вернулись, чтобы Елизавету проводить и двери закрыть. Ну вот, тогда все и выяснилось.

– Вы поднялись вместе с Эдуардом Леонидовичем наверх?

– Нет. Сначала он поднялся один. Долго стучал. Потом соседи появились, балаболки разные. Стали говорить, что какой-то мужчина приходил. Придумали всякие глупости. У нас тут старушка рядом живет, чокнутая. Она целыми днями из окна во двор смотрит. Делать нечего, вот и наблюдает. В общем, не хотел Эдуард Леонидович вызывать милицию, целый час стучал. А потом мы все же позвонили в отделение, и они приехали. Квартира ведь у нас на сигнализацию поставлена, чужой сюда зайти не может.

– Елизавета Матвеевна знала про сигнализацию?

– Нет. Про нее никто не знал. Кроме меня, конечно. Вызвали мы милицию, они долго с дверью возились. Дверь-то железная, сейфовая, так просто не откроешь.

Возились несколько часов, автогеном резали. Мне Эдуард Леонидович даже сто долларов дал, чтобы все быстрее было. Наконец открыли замок, вошли и увидели убитую.

– Почему убитую? – уточнил Дронго. – Ведь она, кажется, отравилась сама?

– Эту воду я сам привозил, – возразил Миша, – там ничего плохого не было. Наверное, ее отравили. Платок ядом пропитали – и к носу. Вот она Богу душу и отдала. Хотели, наверное, здесь пошарить, знали ведь, что Халупович человек не бедный.

– Подождите, – перебил его Дронго, – но ведь вы сами говорили, что дверь была заперта изнутри.

– А балкон? – победно спросил Миша. – Они с балкона, видать, и залезли.

– Не получается, – возразил Дронго, – ведь на балконе жалюзи стоят стальные. И к тому же они были опущены. И регулируются из квартиры, а не с улицы.

– Сейчас такие «фокусники» есть, что хотите вам «отрегулируют», – отмахнулся Миша, – разве в этом дело. Убили ее, да ничего взять не успели. Вернулись мы с Эдуардом Леонидовичем, вот они и сбежали.

– Каким образом? По крышам ушли? По воздуху?

– Я не знаю. Это не мое дело. Только ее никто не травил, это точно. Убили ее, а как убили, я не знаю. Вот вам и нужно найти, кто это сделал.

– Обязательно, – пробормотал Дронго. – Поэтому мы сейчас и занимаемся этим странным делом. Вы говорили про вашу соседку, про «чокнутую старушку», которая все время в окно смотрит. Ее допрашивали следователи?

– Конечно, допрашивали, – кивнул водитель, – но она ненормальная. Это теща одного известного бизнесмена. Здесь, в этом доме, обычных людей уже не осталось. Только те, кто может себе позволить жить в центре города. Остальные сдают свои квартиры, а сами переезжают куда-нибудь подальше от центра.

– Где она живет?

– На шестом этаже, – улыбнулся Миша, – прямо под нами. Она целыми днями смотрит в окно. Стоит и смотрит в окно.

– Значит, она могла видеть возможного убийцу? – уточнил Дронго.

– Если даже видела, то ничего не поняла, – отмахнулся Миша. – Я же вам говорю: чокнутая. На картах помешалась. Только в них и верит. Я ихнего водителя знаю, иногда во дворе встречаемся, у них «пятисотый» «мерс». Он тоже говорит, что она чокнутая. Поэтому она вам не свидетель. Ничего она толком не расскажет, только про свои карты тарыхтеть будет, а если и расскажет, то грош цена ее рассказу. Ненормальные не могут быть свидетелями.

– Она живет одна?

– Нет, конечно. За ней племянница смотрит. Вернее, не совсем племянница, в общем, родственница какая-то, я точно не знаю.

– Вы видели женщин, которых сюда привозили, – напомнил Дронго, – а у вас, как у бывшего таксиста, должен быть особый взгляд. Как вы думаете, могла одна из них совершить подобное преступление?

– Не знаю, – честно признался водитель, – первая была очень богатая. Она, конечно, может паскудничать и сделать такую пакость, но зачем ей нужно покушаться на жизнь Эдуарда Леонидовича, рискуя попасть в тюрьму? Ей достаточно нанять кого-нибудь, чтобы убрал человека. Зачем ей так рисковать? А вторая была очень зажатая. Она скрывала что-то, какую-то тайну, как все восточные женщины. Но она тоже не станет травить человека. Скорее ударит его ножом или столкнет с балкона. Мне так кажется.

– А Трошкин мог желать смерти своему шефу? – тихо спросил Дронго. Водитель вздрогнул. Потом недоуменно взглянул на собеседника, словно не веря услышанному.

– Конечно, нет. Он молится на Эдуарда Леонидовича. Кто еще будет держать его за такие деньги? – Водитель явно ревновал более удачливого помощника. Но говорил на всякий случай очень тихо.

– Ясно. А секретарша Халуповича бывала на этой квартире?

– Нина? – Водитель испуганно оглянулся на кухню. – Нет, – убежденно ответил Миша, – нет, нет! Она никогда не бывала здесь.

– Но она знала про эту квартиру?

– Да, – кивнул Миша, – думаю, знала. У нее есть телефон этой квартиры, и она знает, что Эдуард Леонидович иногда бывает здесь. Но она сюда никогда не приезжала. Это точно.

– Спасибо. – Дронго поднялся со стула, так и не прикоснувшись к оставшимся на подносе закрытым бутылкам.

Водитель поднялся следом за ним, посмотрел на бутылки и, чуть улыбнувшись, спросил:

– Вы тоже боитесь? Не хотите пить в этом доме?

– Нет, – ответил Дронго, – я не думаю, что убийца мог отравить всю воду в этом доме и уж тем более каким-то образом испортить воду и в закупоренных стеклянных бутылках. Просто не хочу пить. Не нужно быть таким мнительным, Миша, это может превратиться в манию преследования. Я думаю, что, кроме одной бутылки, в которой по неизвестной пока мне причине оказался яд, в остальных все будет чисто. Я в этом уверен.

Он вышел из комнаты. Услышав его шаги, в коридор вышли Халупович и Трошкин. В руках у хозяина квартиры была привычная сигара.

– Что-нибудь еще? – спросил Эдуард Леонидович. – Хотите поговорить с кем-нибудь еще?

– Конечно. Сначала с Оксаной, а потом с вашей секретаршей. А заодно с соседкой, которая живет этажом ниже. И увидеть девочку, которая осталась ночевать в вашем офисе.

– Понятно. Вы думаете, кто-то из них причастен к смерти Елизаветы Матвеевны?

– Пока не знаю. Вполне вероятно, что она сама принесла яд из дома, чтобы отравить грызунов, которые могли появиться рядом с мусоропроводом. В любом случае мне нужно будет побеседовать с каждым из четырех человек, о которых я сказал. И тогда, возможно, у меня появится более определенное мнение.

– Хорошо, – согласился Халупович, – завтра утром мы все организуем. Только насчет нашей соседки я немного сомневаюсь. Нужно поговорить с ее зятем, но он куда-то улетел. Без его согласия лезть в чужую квартиру не совсем удобно. Вы меня понимаете?

– Конечно. И тем не менее было бы неплохо, если бы вы смогли организовать эту встречу.

– Посмотрим, – кивнул Эдуард Леонидович, – но это единственная встреча, которую я не могу гарантировать. Хотя попытаюсь что-нибудь придумать. Сейчас уже поздно с кем-либо встречаться. Миша отвезет вас домой.

– Спасибо. И, если можно, договоритесь о том, чтобы к двенадцати мы встретились с Оксаной. А уж потом с остальными.

– Почему к двенадцати? – не понял Эдуард Леонидович. – Можно и пораньше.

– Я поздно просыпаюсь, – пояснил Дронго, – и не хочу менять своих привычек. Тем более что мне нужно обдумать все услышанное. Поэтому назначайте встречу на двенадцать. Так будет лучше. А машина за мной пусть заедет минут за тридцать-сорок до встречи.

– Понятно. Я договорюсь с Оксаной.

– И еще один совет. Завтра утром вы не должны пить воду ни из одной из имеющихся бутылок. Только из той, которую купите сами. Лично сами и желательно в большом супермаркете.

– Я не хожу в супермаркет, – усмехнулся Халупович, – но могу послать за водой кого-нибудь из моих сотрудников.

– В таком случае я прекращаю расследование немедленно, – жестко заявил Дронго. – Кажется, я вам ясно объяснил: только ту воду, которую вы купите сами.

Трошкин и Миша одновременно намурились и обиженно засопели. Эдуард Леонидович оглянулся на них, потом посмотрел на Дронго и чуть дрогнувшим голосом произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.